

NEW YORK TIMES & USA TODAY BESTSELLING AUTHOR

Сильные, смелые и привлекательные герои Робин Карр готовы поставить на карту все ради любимых. Перед вами незабываемая история о любви, храбрости и благородстве.

HARLEQUIN®

Робин Карр

СПАСЕНИЕ В ЛЮБВИ

Робин Карр
Спасение в любви

«Центрполиграф»

Карр Р.

Спасение в любви / Р. Карр — «Центрполиграф»,

В дождливый вечер, когда единственный в Вирджин-Ривер бар уже опустел, на его пороге появилась молодая женщина с трехлетним мальчиком на руках. Под глазом у нее был огромный синяк, а губа разбита. Повар Джон Мидлтон по прозвищу Причер приютил ее в комнатке над кухней и узнал, что Пейдж сбежала от мужа, состоятельного бизнесмена Уэса Лэсситера, который жестоко избивал ее. Причер, устрашающе большой и сильный человек, обладал необыкновенно добрым сердцем, шаг за шагом он пытался помочь Пейдж вернуться к нормальной жизни. Джону нравилась эта красивая искренняя женщина, к тому же он привязался к ее сынишке. Но Пейдж было нелегко снова довериться мужчине. Да и Уэс не собирался так просто ее отпустить...

© Карр Р.

© Центрполиграф

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	16
Глава 3	26
Глава 4	36
Глава 5	49
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Робин Карр

Спасение в любви

Глава 1

В окна бил промозглым дождем сентябрьский ветер, яростный и не по сезону холодный. Когда Причер закончил прибираться в баре, было уже половина восьмого вечера и совсем стемнело. В Вирджин-Ривер никто в такую ночь из дому не высовывался. После окончания ужина люди старались не выходить на холодный и влажный ночной воздух. Туристы и рыбаки, пережидая шторм, плотно застегивали свои палатки. Сейчас был сезон охоты на медведей и оленей, но мало кто из охотников выбирался из дому в такой час и в такую погоду. Джек, партнер Причера и хозяин бара, понимая, что посетителей будет мало, умотал со своей новоиспеченной женой домой. А их семнадцатилетнего помощника Рика Причер отослал домой сам. Он собирался сменить дверную табличку с надписью «Открыто» и запереть бар, как только догорит огонь в камине.

Причер налил себе порцию виски, поставил стаканчик на ближайший к камину столик, затем повернул стул к очагу и вытянул к огню ноги. Ему нравились такие тихие вечера. И безумно нравилось уединение.

Но именно оно сейчас и было нарушено. Кто-то потянул дверь на себя, и Причер нахмурился. Дверь немного приоткрылась, а потом распахнулась от сильного порыва ветра. Причер вскочил со стула. В бар, с трудом открыв дверь, вошла молодая женщина с ребенком на руках. На голове у нее красовалась бейсбольная кепка, а с плеча свисала тяжелая матерчатая сумка, сшитая из разных кусочков ткани. Причер пошел к двери, чтобы закрыть ее. Женщина подняла на него глаза, и они оба удивленно отшатнулись. Ее, вероятно, потрясла его пугающая внешность: шесть футов четыре дюйма роста¹, совершенно лысый, но с густыми черными бровями, широченные плечи и алмазная сережка-гвоздик в одном ухе.

Причер же, заглянув под козырек ее бейсболки, увидел разбитую губу и синяк на щеке.

– Я... Извините. Я увидела знак и...

– Да нет, входите. Я просто не думал, что сегодня вечером дождусь хоть каких-то посетителей.

– Вы уже закрываетесь? – спросила женщина, поднимая повыше свою ношу – маленького мальчика, не старше трех-четырех лет от роду. Он спал, положив голову ей на плечо и безвольно свесив ножки. – Потому что я... Так вы закрываетесь, да?

– Проходите, – сказал он и посторонился. – Все в порядке. Я никуда не тороплюсь. – Он показал рукой на столик. – Садитесь у огня. Погрейтесь, посушитесь.

– Спасибо.

Женщина покорно направилась к столику. Но увидела там его стакан с виски и спросила:

– Это ведь ваше место, да?

– Можете его взять, – сказал Причер. – Я уже выпил один до захода солнца. Нет никакой спешки. Обычно мы так рано не закрываемся, просто сегодня плохая погода...

– Вы, наверное, хотите побыстрее вернуться домой? – спросила она.

Причер улыбнулся:

– Я здесь живу. Так что у меня график очень гибкий.

– Если вы уверены...

– Я уверен, – сказал он. – При хорошей погоде мы раньше девяти не закрываемся.

---

¹ Примерно 193 сантиметра.

Женщина села на стул, посадив ребенка к себе на колени. Она опустила сумку на пол, подтянула мальчика повыше, обняла его и стала гладить по спине.

Причер исчез в задней комнате, ненадолго оставив ее греться у камина. Потом вернулся, неся в руках подушки со своей кровати и покрывало с кушетки. Он положил подушки на столик около нее и произнес:

– Вот, возьмите. Положите сюда мальчика. Он наверняка вам руки оттянул.

Женщина подняла на него глаза, кажется едва сдерживая слезы. Он понадеялся, что она не заплачет. Он не переносил женских слез, не знал, что с ними делать. Вот Джек знал. Он был очень галантным и при любых обстоятельствах точно знал, как обращаться с женщиной. Причер же с незнакомками чувствовал себя не в своей тарелке. По правде говоря, у него вообще было маловато опыта общения с женщинами. Сам того не желая, он зачастую пугал своим видом женщин и детей, которые не знали, что под его угрюмой внешностью таится застенчивость.

– Спасибо, – снова сказала незнакомка.

Она уложила ребенка на подушки. Мальчик тут же сунул в рот большой палец. Причер стоял рядом, с неуверенным видом держа в руках покрывало. Женщина не взяла его, и тогда Причер сам накрыл ребенка. Он обратил внимание, что на щеках мальчика появился румянец, а губы стали ярко-красными.

Женщина снова села на стул и обвела взглядом помещение. Заметив висящую над входной дверью голову оленя, она вздрогнула и обвела взглядом комнату, отметив медвежью шкуру на стене и чучело осетра над баром.

– Здесь собираются охотники? – спросила она.

– Нет, но и они, и рыбаки частенько проезжают этой дорогой, – объяснил Причер. – Моему партнеру пришлось застрелить медведя, чтобы спасти свою жизнь, но эту рыбину он поймал вполне намеренно. Один из самых больших осетров, что водились в нашей реке. У меня есть нож, но я предпочитаю охоте рыбалку. Мне нравится тишина. – Он пожал плечами. – Кроме того, я здесь за повара. Что прикончу, тем и питаемся.

– Вы можете есть оленину? – произнесла она.

– Мы так и делаем. У нас хороший запас ее. Может, вам стоит выпить? – предложил он, стараясь, чтобы его слова не звучали угрожающе.

– Нам нужно найти где остановиться. Где мы вообще находимся?

– В Вирджин-Ривер. В стороне от оживленных трасс. Как вы сюда попали?

– Я... – Женщина покачала головой и издала слабый смешок. – Я просто свернула с шоссе, искала город с гостиницей.

– Видимо, это было давно.

– Здесь не так много мест, где можно развернуть машину, – сказала она. – А потом я увидела это место и вашу табличку «Открыто». Мой сын... болеет. Мы не можем ехать дальше.

Причер знал, что поблизости нет гостиниц и снять номер ей не удастся. И не надо быть гением, чтобы понять: она в беде, у нее неприятности.

– Я это улажу, – пообещал он. – Но сначала, может, вы все-таки что-нибудь выпьете? И поедите? У меня есть вкусный суп. Бобы и ветчина. И хлеб я только сегодня испек. Мне нравится этим заниматься, когда на улице дождливо и холодно. Не хотите для начала согреться бренди?

– Бренди?

– Или чем-нибудь еще, чего хотите...

– Бренди было бы неплохо. И суп тоже. Я давно не ела. Спасибо.

– Никуда не уходите.

Он зашел за стойку и налил ей «Реми»² в коньячный бокал – довольно изысканный сосуд для этого места. Причер обычно не предлагал эти бокалы посетителям, но для этой гостьи хотел сделать нечто особенное. Удача явно от нее отвернулась. Он отдал ей бренди и вернулся на кухню.

Суп уже был убран на ночь в холодильник, но Причер вытащил его, налил немного половником в тарелку и поставил в микроволновку. Пока он доставал посуду, суп уже нагрелся до нужной температуры. Он вытащил его и на несколько секунд поместил в микроволновку хлеб – нежный, мягкий, душистый. Вынув хлеб, он положил его на тарелку, и рядом кусочек масла. Выйдя из кухни, он увидел, что женщина снимает с себя куртку. Казалось, движения причиняют ей боль. Причер замер на месте и нахмурился. Она взглянула на него через плечо с таким видом, словно ее застали на месте преступления.

Причер поставил перед ней тарелку с супом, быстро прокручивая в уме варианты. В ней было не больше пяти футов пяти дюймов³ – очень тоненькая и хрупкая. Одета в джинсы, темные вьющиеся волосы стянуты сзади в хвост. Она казалась совсем девочкой, но Причер решил, что ей не меньше двадцати. Возможно, она попала в автомобильную аварию, но гораздо вероятнее, что ее кто-то избил. От одной мысли об этом внутри его загорелся огонь.

– Выглядит здорово, – сказала она, принимая из его рук тарелку супа.

Пока она ела, Причер вернулся за стойку. Прихлебывая суп, она намазала масло на хлеб и с удовольствием стала есть. Съев около половины, вдруг улыбнулась ему робкой, почти извиняющейся улыбкой. Эта улыбка разрывала ему сердце. Как и синяк на лице и разбитая губа.

Когда она стала собирать хлебом остатки супа, он подошел к ее столику:

– Я принесу вам добавки.

– Нет-нет, мне достаточно. Лучше я выпью бренди. Я очень ценю вашу заботу. И я скоро уеду...

– Расслабьтесь, – мягко произнес он, чтобы это не прозвучало как приказ. Людям обычно требовалось время, чтобы привыкнуть к нему.

Он отнес грязную посуду к стойке.

– Здесь поблизости никто не сдает комнат, – заверил он ее, вернувшись к столу. Сел напротив, наклонился вперед. – Дороги тут не настолько хороши, чтобы вам уезжать в такой дождь. Вы же не хотите возвращаться сюда с полпути. Так что, боюсь, вы здесь застряли.

– О нет! Послушайте, вы просто скажите мне, где ближайший населенный пункт... я найду что-нибудь...

– Успокойтесь, у меня есть свободная комната.

Как и следовало ожидать, ее глаза расширились.

– Там есть замок.

– Я не имела в виду...

– Все нормально. Я знаю, что пугаю людей своим видом.

– Дело не в этом, просто...

– Не волнуйтесь. Я знаю, как выгляжу. На буянов отлично действует – тут же отступают. –

Он улыбнулся одними губами.

– Вам незачем это делать, – сказала женщина. – У меня есть машина.

– Иисусе, я даже подумать не могу, что вы будете ночевать в машине! – воскликнул он. – Извините. Иногда я разговариваю ничуть не лучше, чем выгляжу. Но я не шучу. Если малыш плохо себя чувствует...

– Нет, я не могу остаться, – запротестовала женщина. – Я вас не знаю.

---

² «Реми Мартин» – известная марка французского коньяка. Коньяк является подвидом бренди. (Здесь и далее примеч. пер.)

³ Около 165 сантиметров.

– Да, это понятно. И вы, наверное, сомневаетесь насчет меня, да? Но я безопаснее, чем выгляжу. Здесь с вами все будет в порядке. Уж точно лучше, чем в каком-нибудь придорожном мотеле. И намного лучше, чем на горных дорогах в такой шторм.

С минуту она пристально смотрела на него. Потом снова заговорила:

– Нет, я очень спешу. Если вы скажете мне, как...

– У вас на лице синяк, – оборвал ее Причер. – Хотите, я принесу вам что-нибудь для разбитой губы? У меня на кухне есть аптечка.

– Со мной все в порядке, – она покачала головой. – Я хотела бы расплатиться и...

– Я ничем не могу помочь вашему малышу, кроме как дать вам комнату. С замком на двери, чтобы вы чувствовали себя в безопасности. Не отказывайтесь. Зачем вам ехать куда-то в такую погоду, да еще с ребенком, который болеет. Я выгляжу злым, но на самом деле я не опаснее мухи, вы это скоро поймете, если, конечно, сами не одичаете, – усмехнулся он.

– Вы не выглядите злым, – застенчиво улыбнулась она.

– Но заставляю нервничать маленьких детей и женщин – терпеть этого не могу. Вы в бегах? – поинтересовался он.

Девушка опустила глаза.

– И о чем вы сейчас думаете? Что я сейчас позвоню в полицию? Кто с вами так поступил?

Она заплакала.

– Ох, не плачьте.

Она положила голову на руки и зарыдала.

– Не надо. Я никогда не умел успокаивать. – Чувствуя, что комок подкатывает к горлу, он нерешительно коснулся ее спины, и она дернулась. Тогда он очень легко коснулся ее руки. – Не плачьте. Может, я смогу вам помочь.

– Нет. Вы не сможете.

– Никогда не знаешь, – возразил он, легонько поглаживая ее руку.

Она подняла голову.

– Извините, – сказала она, вытирая глаза. – Я совершенно без сил. Это была случайность. Глупо получилось, я просто пыталась справиться с Крисом... – Она внезапно остановилась и нервно оглянулась, словно боясь, что их могут подслушать. Она облизнула нижнюю губу. – Кристофер упрямылся, я пыталась усадить его в машину. И, открывая дверцу, ударила себя по лицу. Сильно ударила. Спешка ни к чему хорошему не приводит, вы знаете? Это просто несчастный случай. Со мной все в порядке. – Она поднесла к носу салфетку.

– Да, – кивнул Причер. – Конечно. Очень жаль, что так вышло. Выглядит болезненно.

– Заживет.

– Точно. А как вас зовут? – Затем, так и не дождавшись ее ответа, произнес: – Хорошо. Я не буду больше об этом спрашивать. И никому не скажу, что видел вас, если кто-то станет вас разыскивать.

Ее глаза расширились от страха, рот приоткрылся.

– О, черт. Я ведь не сказал ничего дурного, так ведь? Я просто имел в виду, что, если вы от кого-то прячетесь или бежите, я вас не выдам. Вы можете без опаски оставаться здесь. Как вас зовут?

Она протянула руку и осторожно погладила мальчика по волосам. Молча.

Причер встал, перевернул табличку «Открыто» на другую сторону, где была надпись «Закрето», и задвинул щеколду.

– Вот, – сказал он, снова садясь рядом с ней и маленьким мальчиком, который занимал почти весь стол. – Постарайтесь успокоиться, – мягко добавил он. – Здесь никто не причинит вам зла. Я могу стать вашим другом. Я точно не испугаюсь слабака, который мог так поступить с женщиной. Мне жаль.

Стараясь избежать его взгляда, она опустила глаза:

- Это была дверца машины.
- И злой дверцы я тоже не боюсь.

Девушка невольно улыбнулась, но все равно глаз не подняла. Подрагивающей рукой она взяла бокал с бренди и поднесла его ко рту.

– Вот это правильно, – одобрил Причер. – На случай, если мальчику нужен врач, тут есть один через улицу. Я могу сходить за ним. Или вас отвести?

- Нет, думаю, у него обычная простуда. Я внимательно слежу за его состоянием.
- Если ему нужно лекарство или еще что-то...
- Нет, с ним все в порядке...

– Мой друг – хозяин этого заведения. Его жена – медсестра. И даже больше, чем медсестра – она может прописывать лекарства, осматривать пациентов. Она очень внимательна к живущим у нас женщинам. Если ее позвать, она будет здесь через десять минут. Иногда женщина подходит больше мужчины, при определенных обстоятельствах.

- «Обстоятельствах»? – переспросила она, на ее лице появилось паническое выражение.
- Ну, там, дверца машины и все такое...
- Нет. На самом деле не нужно. Просто у нас был очень трудный день, понимаете?
- Конечно. Последний час, или когда вы там съехали с шоссе, наверняка был ужасным.

Если вы не привыкли к нашим дорогам.

- Да, было страшновато, – тихо признала она. – И я до сих пор понятия не имею, где мы...

– Если это так важно, вы в Вирджин-Ривер. Обычный маленький городок на изгибе горной дороги, но люди здесь хорошие. Всегда помогут, если это в их силах. Понимаете меня?

Она застенчиво улыбнулась ему уголками губ, но глаз так и не подняла.

- Как вас зовут? – снова спросил он.

Женщина сжала губы и покачала головой. На глаза у нее опять навернулись слезы.

- Все хорошо, – мягко сказал он. – Правда.

– Пейдж, – прошептала она, и по ее щеке скатилась слеза. – Меня зовут Пейдж, – тихо повторила она.

– Хорошо. Симпатичное имя. Не бойтесь произносить его вслух. Здесь вы в безопасности.

- А как вас зовут?

– Джон, – ответил он и сам удивился этому. Видно, это она так на него подействовала. – Джон Мидлтон. Но меня здесь никто не зовет Джоном. Меня знают как Причера.

- Вы проповедник?⁴

– Нет, – ответил тот с коротким смешком. – И я очень далек от этого. Но Джоном меня звала только мать.

- А как вас звал отец? – спросила она.

- Приятель, – ответил он и улыбнулся. – «Эй, приятель» – вот так примерно.

- А почему тогда Причер?

– Да не знаю, – пробормотал он, застенчившись. – Я получил это прозвище еще в юности, когда учился в Морском корпусе. Парни говорили, что я слишком строгих нравов.

- Это правда? Вы были строгих нравов?

– Да... нет, на самом деле, – признался Джон. – Просто я никогда не ругался. И ходил на мессу. Я вырос среди священников и монахинь – моя мать была очень набожной. А кроме меня, никто в корпусе мессу не посещал, насколько я помню. И когда они ходили за выпивкой и женщинами, я болтался где-то в хвосте. Не знаю... сам я никогда не испытывал желания этим заниматься. Я не слишком умею ладить с женщинами. – Он внезапно улыбнулся. – Это ведь сразу заметно, да? И желание напиться меня никогда не посещало.

---

⁴ Preacher (англ.) – проповедник.

– Но у вас ведь есть этот бар, – возразила Пейдж.

– Это не мой бар, а Джека. А он очень следит за посетителями. Мы никого отсюда не выпускаем, если это небезопасно, знаете ли. Мне нравится пропустить стаканчик в конце дня, но нет причин добавлять к этому головную боль. – Он усмехнулся.

– Мне вас звать Джоном? – спросила девушка. – Или Причером?

– Как хотите, так и зовите.

– Джон, – сказала она. – Я буду звать вас Джоном, хорошо?

– Да. Если хотите, – согласился он. – Меня это устраивает. Много воды утекло с тех пор, как меня так называли.

На мгновение Пейдж снова потупилась, но потом посмотрела ему в глаза:

– Джон, я очень ценю то, что вы делаете для меня. Спасибо, что не закрыли бар, и все остальное.

– Да ничего особенного я не сделал. Мы почти каждый вечер закрываемся позже, чем сегодня. – Причер кивнул в сторону мальчика: – Он проснется голодным?

– Наверное, – ответила она. – У меня было в машине немного арахисового масла и джема, и он быстро управился с тем и другим.

– На втором этаже есть свободная комната. Сразу под ней кухня, вы можете сами там похозяйничать – я оставлю для вас свет включенным. Берите что хотите. В холодильнике есть молоко и апельсиновый сок. Там же стоят хлопья, хлеб, арахисовое масло, тот же суп, что вы ели. Можете воспользоваться микроволновкой. Ладно?

– Это очень мило с вашей стороны, но...

– Пейдж, вы выглядите усталой, ваш малыш болен, вы же не хотите тащить его на улицу в такой холод и дождь.

Она подумала пару секунд и потом спросила:

– Сколько?

Причер невольно рассмеялся, но тут же опомнился.

– Извините, я не хотел над вами смеяться. Это просто моя старая комната. Не гостиничный номер или что-то в этом роде. Я жил там два года, но потом Джек и Мел поженились, и я переселился в его квартиру. Эта комната над кухней – по утрам там немного пахнет беконом и кофе, но она приличных размеров, и в ней есть большая ванная. Ночевать в комнате вполне можно. – Он пожал плечами. – Просто будьте мне хорошей соседкой, ладно?

– Это очень щедро, – заметила она.

– Мне это ничего не стоит – комната пустует. Буду рад вас выручить. – Он кашлянул. – Принести вам из машины чемодан или еще что-нибудь?

– Да, чемодан. Он на заднем сиденье.

– Я сейчас схожу за ним. Вы пока пейте свой бренди. И налейте себе еще, если хочется. На вашем месте мне бы хотелось еще выпить, после поездки по этим холмам под проливным дождем. – Он встал. – Я принесу чемодан и покажу вам комнату. Наверху. Хм... вы хотите, чтобы я перенес туда и мальчика?

Она тоже встала.

– Если вам не трудно. – Пейдж потянулась, словно плечи у нее затекли от долгого пути за рулем. – Спасибо.

– Никаких проблем, – произнес он. – Слушайте, вы не волнуйтесь. Ваша комната и моя квартира даже не сообщаются, нас будут отделять кухня и лестница. Вы просто закройте дверь и немного отдохните. – Он осторожно и немного неловко взял мальчика на руки. Его головка легла Причеру на плечо, и это было очень странное ощущение. У Причера не бы ло опыта ношения детей, но ему понравилось. Он медленно провел рукой по спинке мальчика. – Пошли.

Причер провел Пейдж через кухню и поднялся по задней лестнице. Открыв дверь в комнату, он пробормотал:

– Извините за беспорядок. Здесь остались кое-какие мои вещи – вроде этих гирь. Но простыни чистые.

– Все замечательно, – заверила его Пейдж. – Утром я сразу же уеду.

– Об этом не волнуйтесь. Как я уже сказал, эта комната не сдается, просто стоит пустая. Если вам нужна будет пара дней, мы договоримся. Я имею в виду, если ваш сын подхватил вирус или что-то подобное...

Он осторожно положил мальчика на кровать, испытывая странное нежелание отпускать его. Тепло детского тельца, прижавшегося к его груди, было приятным и успокаивающим. Он не удержался и коснулся светлых волосиков. Прекрасный мальчуган.

– А ключи от машины? Они могут мне понадобиться, чтобы взять чемодан с заднего сиденья.

Девушка порылась в своей матерчатой сумке, которая очень походила на сумку для памперсов, хотя мальчик явно был для них слишком большой, и отдала Причеру ключи.

– Я сейчас вернусь, – кивнул он и ушел к ее машине.

Это оказалась маленькая «хонда». Чтобы сесть в нее, ему пришлось отодвинуть сиденье до самого конца назад, и все равно его колени упирались в руль. Причер завел мотор и, объехав дом, припарковался позади него, около своего пикапа. Он поставил машину так, чтобы с главной улицы ее не было видно – просто на случай, если Пейдж кто-то ищет. Он сам не понимал, почему для него так важно, чтобы она не испытывала страха.

Одним движением он забрал чемодан с заднего сиденья; он показался Причеру слишком маленьким, чтобы совершать с ним дальние поездки. Годился разве что для одной смены одежды.

Он вернулся наверх и увидел, что Пейдж сидит на краю кровати рядом с сыном в напряженной позе. Причер поставил чемодан, положил ключи на бюро, что стояло у двери, и потоптался в дверном проеме. Девушка встала и повернулась к нему.

– Слушайте. Ну... я переставил вашу машину – теперь она стоит позади дома за моим пикапом. Я убрал ее с улицы, и с дороги ее сейчас не видно. Так что, если вы вдруг выйдете, не удивляйтесь, она никуда не делась. Только не советую вам сейчас выходить, лучше переждите дождь и поезжайте в нормальную погоду, при дневном свете. Но если вы станете нервничать – ну, вы понимаете, – бар запирается изнутри, вот ключи от него. Не страшно, если вы... Если вы не сможете расслабиться и захотите уехать, можете оставить бар незапертым, это не проблема. Здесь очень тихое место и безопасное. Мы сами иногда забываем запереть дверь. Сегодня вы с парнишкой здесь ночуете, и я, конечно, запрю ее. Хм... Пейдж... вам не о чем волноваться. Мне можно доверять. Иначе Джек не оставил бы бар на меня одного. Так что отдыхайте.

– Спасибо, – еле слышно произнесла она.

Он закрыл за собой дверь и тут же услышал, как задвинулась щеколда. Она сделала это, чтобы обезопасить себя. И впервые со времени своего приезда в Вирджин-Ривер Причер подумал о том, зачем эту щеколду вообще вешали на дверь.

Он постоял с минуту в раздумье. Почти наверняка это муж или бойфренд ударил ее по лицу, и она вместе с сыном сбежала. Ему не по душе было думать о том, что такое случается. Вернее, происходит все время. Он никогда не понимал, в чем удовольствие мужчины, который поднимает руку на женщину. Ему это казалось бессмысленным. Если у тебя есть такая симпатичная женщина, с ней надо хорошо обращаться. Не подвергать ее опасности и защищать, если есть необходимость.

Он сходил в бар и выключил там свет, потом заглянул на кухню и оставил там свет включенным на случай, если она захочет туда спуститься. Он вернулся в свою квартиру, что находилась позади кухни. Но спустя пару минут вдруг вспомнил, что в комнате наверху нет чистых полотенец – в свое время он перенес все на первый этаж. Он сходил в ванную, взял там стопку белоснежных полотенец и снова поднялся наверх.

Дверь была чуть приоткрыта, как будто Пейдж уже ходила на кухню. Он увидел стакан апельсинового сока, который стоял на бюро у двери, и порадовался, что она сама взяла его. Сдвинувшись на дюйм в сторону, он увидел ее отражение в зеркале бюро. Девушка стояла к нему спиной и стягивала через голову толстовку, пытаясь увидеть в зеркале спину и плечи. Вся ее спина была покрыта синяками, они были и на плечах, и на предплечьях.

Причер застыл на месте, не в силах оторвать взгляда от фиолетовых пятен у нее на теле.
– Господи Иисусе, – выдохнул он.

Он быстро отступил влево и прижался спиной к стене, не желая, чтобы она заметила его. Ему требовалась минута, чтобы взять себя в руки; увиденное его потрясло. Ужаснуло. Все, о чем он мог думать, – какое животное сотворило с ней этот ужас? У него подобное просто в голове не укладывалось. Он сам был воином и тренированным солдатом и не сомневался, что в честной схватке не нанес бы столько повреждений даже равному по силе мужчине.

Интуиция подсказывала – лучше не говорить ей, что он видел. Она и так боится всех и вся, и он не исключение. Но правда состояла в том, что ее не просто ударили. Ее избili. Он еще не знал эту женщину, но ему уже хотелось убить сукиного сына, который сотворил с ней этот ужас. Пять, нет, восемь месяцев бить его, а потом пусть этот жалкий ублюдок сдохнет.

Она не должна узнать о его мыслях, это только напугало бы ее до смерти. Он сделал несколько глубоких вдохов, стараясь взять себя в руки. После чего легонько постучал в дверь.

– А? – Ее голос казался испуганным.

– Я просто принес полотенца, – сказал он.

– Секундочку!

– Не торопитесь.

Через мгновение она чуть-чуть приоткрыла дверь, на ней снова была толстовка.

– Я забыл, что забрал все из ванной, – объяснил он. – Вам же нужны полотенца. Все, оставляю вас в покое. Больше не стану беспокоить.

– Спасибо, Джон.

– Нет проблем, Пейдж. Отдохните как следует.

Стараясь производить как можно меньше шума, Пейдж подтащила бюро к двери, желая забаррикадироваться. Она надеялась, что Джон не слышал ее возню, но, насколько она поняла, кухня была прямо под этой комнатой. Кроме того, если этот человек собирается причинить ей или Кристоферу зло, он все равно сделает это, и запертая дверь с придвинутым к ней пустым комодом его не удержит.

Ей очень хотелось принять горячую ванну, но она чувствовала себя слишком уязвимой, чтобы раздеваться догола. В душ она тоже не могла заставить себя пойти – вдруг она пропустит звук поворачивающейся ручки двери или Кристофер позовет ее, поэтому она только ополоснулась в раковине и переделалась в чистое. Потом, не выключая света в ванной, она осторожно легла на постель поверх покрывала. Пейдж понимала, что все равно не уснет, но, может, хоть немного успокоится. Она устала в потолок, на деревянные балки, сходящиеся над ее головой перевернутой буквой V. Ей пришлось в голову, что уже в третий раз за свою жизнь она лежит на кровати и смотрит в такой потолок.

В первый раз – в доме, где она выросла. Балки были некрашеными, пространство между ними было закрыто мягким розовым материалом, служащим изоляцией. Дом был маленьким, всего с двумя спальнями, и к моменту переезда ее родителей уже старым, но тогда, двадцать лет назад, он находился в чистом и тихом месте. Мать переселила Пейдж на чердак, когда ей было девять; она делила его с коробками, набитыми разными вещами и составленными вдоль одной из стен. Но это место принадлежало только ей, и она сбегала сюда при любом удобном случае. Лежа на кровати, девочка слышала, как внизу ругаются ее родители. Отец умер, когда ей было одиннадцать, и после этого она слышала, как с матерью спорит ее старший брат Бад.

За последние несколько лет Пейдж много узнала о домашнем насилии, и было не так удивительно, что она в итоге вышла замуж за человека, который поднимал на нее руку. Правда, ни отец, ни мать никогда не били ее, а худшим, что она видела от брата, были тычки и посаженные на руку слизни. Но все мужчины в ее семье орали. Орал так громко и так бешено, что она удивлялась, как только не лопаются окна. Требования подчиниться, унижения, оскорбления, обвинения, страшная ругань. Насилие может быть не только физическим, но и психологическим. И насилием оно быть от этого не перестает.

В следующий раз она столкнулась с жестокостью, когда уехала из дома. После школы она прошла курсы парикмахеров и жила с матерью и братом, оплачивая свою часть аренды. Ей было двадцать один год, когда она и еще две девушки – тоже парикмахеры по профессии – арендовали половину одного старого дома. Пейдж с радостью заняла спальню под крышей, хотя она была не такой большой, как комната ее детства, и ей постоянно приходилось нагибаться, чтобы не удариться о потолочные своды.

При воспоминании о двух годах, проведенных вместе с Пэт и Дженни, у нее на глаза наверчивались слезы. Это было самое счастливое время в ее жизни. Порой она до боли скучала по нему. Три девушки-парикмахера, которые постоянно сидят на мели после оплаты аренды, трат на еду и одежду, – эта жизнь ей казалась раем. Когда у них не было денег куда-то сходить, они покупали попкорн, дешевое вино и устраивали вечеринку дома, болтая о женщинах, чьи волосы они стригли и красили, о парнях и сексе и хохотали до упаду.

А потом в ее жизнь вошел Уэс, успешный бизнесмен, на шесть лет старше ее. Противно осознавать, что ему тогда было столько же, сколько ей сейчас, – двадцать девять. Он казался таким практичным и зрелым, не мальчишкой, а настоящим мужчиной. Она делала ему стрижку всего пару месяцев, когда он попросил ее о свидании и отвел в такой высокосексуальный ресторан, где даже официантки одевались лучше ее. Он водил новенький «гран-при» с удобными кожаными сиденьями и тонированными окнами. И гонял на большой скорости, что в ее тогдашние двадцать три не казалось опасным. Это казалось волнующим. Даже притом, что он орал и подрезал других водителей, это казалось его правом – он имел власть и силу. И богатство, по ее стандартам.

У него был свой дом, который ему ни с кем не приходилось делить. Деньги он зарабатывал игрой на бирже – утомительная работа, требующая блестящего исполнения и огромной энергии. Ему каждый вечер хотелось водить ее в рестораны, покупать красивые вещи. Он вынимал из кармана бумажник и говорил: «Я не знаю, чего бы ты хотела, какая вещичка заставит тебя закричать, что она изумительна, поэтому я хочу, чтобы ты сама себе что-нибудь выбрала. Поскольку единственное, что имеет для меня значение в этом мире, – это сделать тебя счастливой». Он вытаскивал пару купюр и вручал ей двести долларов, настоящее богатство.

Пэт и Дженни он не нравился, но тут не было никаких загадок. Он относился к ним без уважения. Как к мебели или обоям. Отвечал им максимально односложно. Но она не могла вспомнить, что именно они говорили, когда пытались предупредить ее насчет его.

А потом безумие ее жизни вышло из-под контроля. Случилось то, что до того дня казалось невозможным: он ударил ее, а она после этого все равно вышла за него замуж. Они сидели в его модной машине и спорили, где она теперь будет жить. Он считал, что ей лучше пожить дома с матерью, а не в развалюхе с двумя лесбиянками. Спор перешел в ссору, она много всего ему наговорила. На что он ответил: «Я хочу, чтобы ты жила с матерью, а не в публичном доме».

– О каком дерьме ты думаешь, называя дом, где я живу, прибежищем проституток?!

– Как ты со мной разговариваешь!

– Ты назвал моих подруг шлюхами и лесбиянками и смеешь критиковать мой подбор слов?!

– Я просто думаю о твоей безопасности. Ты сказала, что хочешь выйти за меня замуж, и мне хочется, чтобы ты жила поблизости, когда это произойдет!

– Засунь себе свои хотелки сам знаешь куда, потому что мне нравится там жить, и ты не будешь мне указывать, что делать! И вообще, я не собираюсь выходить замуж за того, кто так отзывается о моих подругах!

Дальше – больше. Много больше. Она припоминала, что как-то обозвала его – то ли козлом, то ли задницей. А он обозвал ее сукой, упрямой сукой. Она отчетливо помнила, что они оба не стеснялись в выражениях.

А потом он ударил ее ладонью по лицу. И тут же сам чуть не рухнул на пол, заплакал, как ребенок. Сказал, сам не понимает, что на него нашло, но, наверное, это оттого, что он раньше никогда так не любил. Он поступил плохо, он знает это, он вышел из себя, просто обезумел, ему очень стыдно. Но... ему так хочется обнимать ее каждую ночь, заботиться о ней до конца жизни, он не хочет ее потерять. Он извиняется за то, что сказал о ее подругах-соседках, – наверное, это было от ревности к ним. Он никого, кроме нее, не замечает, она самое ценное, что есть в его жизни. Он так сильно любит ее, что это сводит его с ума. Она первая, к кому он испытывает такие чувства. Без нее он ничто!

Она поверила ему. Но больше никогда при нем не ругалась.

Она ничего не сказала Пэт и Дженни. Она понимала, что, возможно, позволила обвести себя вокруг пальца, но ей не хотелось слышать их неодобрение. Ей понадобилась всего пара дней, чтобы пережить полученную пощечину. Подумаешь, пощечина. А меньше чем через месяц она уже почти забыла об этом и снова начала доверять ему. Он казался ей красивым, восхитительным, сексуальным. Нетерпеливым и самоуверенным. Умным. Ее не привлекали пассивные мужчины. Они никогда бы не смогли добиться такого успеха, как Уэс.

Потом он сказал ей: «Пейдж, я не хочу больше ждать. Я хочу, чтобы мы поженились, как только ты будешь готова. Хорошая свадьба стоит потраченных денег, а у меня их достаточно, чтобы купить тебе все, что пожелаешь. Возьми в подружки невесты Пэт и Дженни. И ты сможешь уйти с работы – она тебе больше не понадобится».

От стоячей работы у нее болели ноги, и она заработала себе «косточки» на пальцах. Шесть дней в неделю делать прически было тяжелой работой, даже если она ей и нравилась. Пейдж частенько думала, что ей нравилась бы эта работа гораздо больше, если бы можно было работать шесть часов в день четыре дня в неделю, но это казалось несбыточной мечтой. Она и так с трудом сводила концы с концами, а ее мать после смерти отца работала на двух работах. Глядя на мать, она видела в ней свое будущее – одинокая, ослабевшая и работающая до самой смерти. Она представила, как ее измотанные заботами соседки разоденутся в атлас и придут к ней на свадьбу, как они будут улыбаться и завидовать ее удаче и будущей комфортной жизни. И она сказала Уэсу «да».

И во время медового месяца он ударил ее во второй раз.

За следующие шесть лет она перепробовала все – психологов, полицию, побеги. Полиция сразу же выпускала его, если вообще арестовывала. Он находил ее убежища, и все становилось только хуже. Даже беременность и рождение Кристофера его не остановили. Случайно она обнаружила то, что помогло решить это маленькое уравнение, – химический препарат, который давал ему силы работать столько часов подряд и следить за ней, препарат, от которого его настроение беспричинно менялось от эйфории до ужасающего гнева, – белый порошок в маленьком пузырьке. Кокаин. Этот препарат давал ему личный тренер, который клялся, что это не стероиды. На бирже многие принимали амфетамины, чтобы соответствовать темпу работы. Принимающие кокаин обычно худеют, но Уэс гордился своим телом, ухаживал за ним и накачивал мускулы. Она осознала, что за его раздражительностью стоит кокс и постоянный прием стероидов. Она понятия не имела, как давно он это делает. Но понимала – он безумен.

Это был ее последний шанс. В приюте она познакомилась с женщиной, которая пообещала помочь ей сбежать, сменив имя и внешность. Это было нелегальное существование для женщин и детей, пострадавших от насилия, которые находились в безвыходной ситуации. Если

бы им с Кристофером удалось добраться до первого «контакта», дальше они могли бы переезжать с места на место, каждый раз с новыми именами и «легендами». С одной – позитивной – стороны, эта система работала достаточно хорошо. Если женщина в точности следовала инструкциям, а дети были маленькими, это был почти беспроблемный вариант. Но другая – отрицательная – сторона состояла в том, что это было незаконно и на всю оставшуюся жизнь. Что лучше – терпеть побои и каждый день бояться, что тебя просто убьют, или жить без побоев, но под чужим именем? Это каждый для себя выбирает сам.

Она стала откладывать деньги от своих трат на продукты и собрала сумку с вещами, которую спрятала у своего «контакта» из приюта. Ей удалось скопить почти пятьсот долларов, и она твердо решила сбежать до того, как Уэс снова на нее набросится. В последний раз она поняла, что бежать уже слишком поздно.

И вот она здесь, смотрит на третий в своей жизни потолок в виде перевернутой буквы V. Она знала, что не сможет спать, последние шесть лет она почти не спала, но с вождением справилась – с таким-то количеством поступающего адреналина.

Но потом она проснулась от солнечного света и ударов, доносящихся снаружи. Кто-то на улице колот дрова. Пейдж осторожно села и ощутила запах кофе. Она все-таки заснула в конце концов. Как и Кристофер.

Комод так и стоял нетронутым у двери.

Глава 2

Причер почти не спал. Он провел полночи за компьютером. Казалось, эта маленькая машина изобретена специально для него, поскольку с ней поиск превращался в удовольствие. Он пытался убедить Джека занести в компьютер рецепты и список припасов, но тот не желал иметь ничего общего с высокими технологиями и ходил с блокнотом, который уже стал практически продолжением его руки. Без подключения компьютерных шнуров работа шла медленнее, но Джек был терпелив. И его система учета тоже работала.

Остаток ночи Причер пытался хоть немного подремать, но сон постоянно ускользал от него. Он несколько раз вставал с постели и выглядывал в окно, чтобы посмотреть, стоит ли там маленькая «хонда». В пять утра он наконец встал окончательно, хотя снаружи была еще тьма – хоть глаз выколи. Он сходил на кухню, поставил кофе, заново разжег огонь. Со второго этажа не доносилось ни звука.

Дождь прекратился, но погода была пасмурной и холодной. Он мог бы выйти поколоть дрова, чтобы избавиться от негативных эмоций, но Джеку нравилось рубить дрова, поэтому Причер не стал лишать его удовольствия. В шесть тридцать в бар вошел Джек, улыбаясь во весь рот. С момента своей свадьбы он был самым счастливым человеком в Вирджин-Ривер. Казалось, не улыбаться он просто не может.

Причер стоял в баре с кружкой кофе, он приветственно кивнул другу.

– Привет, – поздоровался тот. – Классная погодка.

– Джек, – сказал Причер. – Послушай, я кое-что сделал...

Джек скинул куртку и повесил ее на вколоченный в дверь гвоздик.

– Что, снова перепутал кастрюлю с супом и писсуар, а, Причер?

– Я поселил наверху женщину.

На лице Джека отразился чистый, ничем не прикрытый шок. Рядом с Причером никогда не водилось женщин. Он не искал их общества, никогда не флиртовал, ничего похожего. Сам Джек не понимал, как можно так жить, но это был Причер. Когда они оба служили в морской пехоте, все парни выходили подцепить девушку на ночь. Все, кроме Причера. В шутку его прозвали Большим Евнухом.

– Что, правда? – переспросил Джек.

Причер вытащил чистую кружку и налил ему кофе.

– Она приехала вчера вечером, в самый шторм, – объяснил он. – И с ней ребенок – маленький. – Он показал руками его рост. – И, кажется, заболевший. У него высокая температура, сказала она. Я отдал ей свою старую комнату, поскольку здесь поблизости ей негде остановиться...

– Ну что ж, – промолвил Джек и взял со стола свой кофе. – Очень мило с твоей стороны, я полагаю. Она что, украла столовое серебро или еще что-то?

Причер скорчил гримасу. У них не было столового серебра; красть имело смысл только наличные в кассе, которые были надежно заперты. Ну, или ликер – что слишком сложно для женщины с ребенком. Он даже и не думал о таком.

– У нее, кажется, серьезные проблемы, – пояснил он. – Она... в общем, очень на это похоже. Возможно, она сбежала от кого-то или что-то в этом роде.

Джека вновь потрясли его слова.

– Да?

Причер посмотрел ему в глаза.

– По-моему, ей нужна помощь, – сказал он, уже не сомневаясь в этом. – У нее синяк на лице.

– Вот черт, – вырвалось у Джека.

– Мел ведь пойдет сегодня в клинику? – спросил Причер.

– Да.

– Хорошо бы она посмотрела мальчика – надо удостовериться, что с ним ничего серьезного. Понимаешь, эта женщина – Пейдж – она говорит, что с ней все в порядке, но... Может, Мел удастся... ну, я не знаю – удостовериться в этом.

– Может, – подтвердил Джек, делая глоток из кружки. – И что потом?

Причер пожал плечами:

– Думаю, она захочет уехать. Она как пугливая лань. Боится чего-то. Мне хочется, чтобы она с Мел хотя бы встретилась.

– По-моему, хорошая идея.

– Да. Тогда давай ты предложишь ей осмотр у Мел. Я не могу, сам понимаешь. Лучше ты это сделай. Поговори с ней и предложи.

– Да ладно тебе, Прич. Ты вполне справишься. Это твое дело – я ее даже не видел. Просто поговори с ней тихим и мягким тоном. И постарайся не напугать.

– Она уже и так напугана тем, что я знаю о ее проблемах. А ребенок меня еще не видел – вчера он спал. А когда увидит, наверняка тут же с криком и убежит.

В семь тридцать Причер поставил на поднос миски с хлопьями, тосты, кофе, апельсиновый сок и молоко. Он поднялся по задней лестнице и осторожно постучал в дверь. Ее мгновенно открыли. Пейдж освежилась под душем и переоделась. На ней были все те же джинсы и рубашка из шамбре с длинными рукавами. Из-под открытого воротника виднелся синяк, и Причер мгновенно испытал прилив гнева. Он постарался, чтобы это не отразилось на его лице, и сосредоточился на ее глазах насыщенного изумрудно-зеленого цвета и влажных волосах, рассыпавшихся по плечам мокрыми от воды завитками.

– Доброе утро, – приветствовал он, стараясь говорить тихо и мягко, как говорил бы Джек.

– Привет, – ответила она. – Вы рано встали.

– Я уже целую вечность на ногах, – сказал Причер.

– Мапочка? – послышалось у нее за спиной.

Он посмотрел мимо Пейдж и увидел ее маленького сына, Кристофера, который потурецки сидел посреди кровати.

Пейдж открыла дверь пошире. Причер вошел и поставил поднос на бюро у двери. В глубину комнаты он заходить не стал и кивнул ребенку. Он попытался смягчить выражение лица, но сомневался, что у него это получилось.

– Эй, приятель, хочешь позавтракать?

Мальш пожал плечами, но округлил глаза и уставился на Причера.

– Он не слишком хорошо ладит с мужчинами, – тихо прошептала Пейдж. – Стесняется.

– Да? Я тоже. Не волнуйтесь, я уже ухожу, – сказал Причер.

Он посмотрел на мальчика и попробовал улыбнуться. А тот показал на голову Причера и спросил:

– Ты ее бреешь?

Причер засмеялся.

– Да. Хочешь потрогать? – спросил он, а потом медленно и осторожно подошел к кровати и наклонил к ребенку бритую голову. Он почувствовал, как маленькая ручка касается его макушки, и снова засмеялся. Потом поднял голову и сказал: – Круто, да?

Ребенок кивнул.

Причер вернулся к Пейдж:

– Жена моего друга, Мелинда, сегодня утром пойдет в медицинскую клинику, и мне бы хотелось отвести вас к ней. Пусть она посмотрит мальчика и убедится, что с ним все в порядке, а если нет, она даст ему лекарство прямо там.

– Вы говорили, она – медсестра?

– Да. Но она особенная медсестра. Акушерка. Она принимает роды и тому подобное.

– О! – Пейдж вроде бы немного заинтересовалась. – Наверное, это хорошая идея. Но у меня не так много денег...

Он засмеялся:

– Мы об этом вообще не думаем, когда кому-то нужно оказать помощь. Так что все в порядке.

– Ну, если вы уверены...

– Все хорошо. Когда будете готовы, спускайтесь вниз. Мел приходит к восьми, но вы можете не торопиться. Здесь не так много заболевших, и обычно работы у нее мало.

– Хорошо. Тогда нам стоит поспешить...

– Пейдж, вы можете пожить здесь пару дней, если нужно. Я имею в виду, если мальчик плохо себя чувствует. Или если вы устали вести машину.

– Я лучше продолжу путь.

– Куда вы направляетесь? – спросил он. – Вы не говорили.

– Немного подальше. У меня есть подруга... Мы собираемся ее навестить.

– А, – протянул он, хотя, если бы их цель находилась недалеко, она не стала бы делать остановку так близко от нее и доехала бы туда еще вчера. – Ну, вы подумайте об этом. Предложение остается в силе.

Пока Кристофер, сидя на кровати, ел хлопья, Пейдж перед зеркалом накладывала макияж на фиолетовый синяк, образовавшийся на щеке. По крайней мере, он хоть немного побледнел. Но с разбитой губой она ничего не могла поделать, там все было ободрано. Кристофер мог бы коснуться ее и сказать «мамочкино бо-бо».

Она мысленно вернулась к последним побоям. Пейдж до сих пор была в шоке оттого, что не могла вспомнить, с чего все началось. Кажется, с игрушек Кристофера, разбросанных по гостиной, потом оказалось, что костюм Уэса не вернули вовремя из химчистки. Ему не понравилось, что она приготовила на обед. Или ее слова об игрушках? «Иисусе, Уэс, у него есть игрушки – он с ними играет. Просто дай мне минуту...» После этого он дал ей пощечину? Нет, после того, как она тихо забормотала: «Не заводись, не надо злиться, я сейчас все сделаю...»

Откуда ей было знать, что он так отреагирует? Она никогда не могла предсказать его реакцию. Без насилия иногда проходили целые месяцы. Но когда он пришел домой из офиса, она все поняла по его глазам. Они как бы говорили: «Я буду бить тебя и бить, и ни ты, ни я не знаем почему». Как обычно, она осознала опасность, когда было уже слишком поздно.

Потом у нее начались кровяные выделения и появилась опасность потерять ребенка – она была беременна, о чем недавно ему сказала. После его пинков это было неудивительно. Она заставила себя встать с постели и пошла за Кристофером в садик. Дебби, секретарь в приемной, охнула, увидев ее лицо. И потом произнесла, запинаясь:

– Мистер Лэсситер сказал, чтобы мы ему позвонили, если вы придете за Кристофером.

– Дебби, посмотрите на меня. Может, вы забудете позвонить ему? Всего один раз. На какое-то время.

– Я не знаю...

– Он не станет вас бить, – дерзко бросила она.

– Госпожа Лэсситер, может, вам стоит позвонить в полицию или еще куда-нибудь?

Пейдж глухо рассмеялась. Ну да, точно.

– Полагаю, вы думаете, я еще этого не делала.

Что ж, по крайней мере, она выбралась из города. С единственным чемоданом, почти пятьюстами долларов в кармане и адресом в Спокане.⁵

---

⁵ Спокан – город на северо-западе США, неподалеку от Сиэтла.

И вот теперь она здесь, проснувшись под очередным потолком в виде буквы V. Все еще перепуганная до смерти, но на данный момент явно в безопасности.

Пока Кристофер ел, она осмотрелась вокруг, ни к чему не прикасаясь. Комната была не очень большая, но в ней хватало места для атлетического тренажера Причера и его гирь. Она посмотрела на лежащие на полу гантели – по шестьдесят фунтов⁶ каждая. На тренажере стоял вес четыреста фунтов⁷; Уэс неустанно хвастался, что поднимает двести пятьдесят.

У стены стоял средних размеров книжный шкаф, набитый до отказа. На нем сверху и рядом на полу тоже лежали книги. Пейдж спрятала руки за спиной: сила привычки – Уэсу не нравилось, когда она прикасалась к его вещам, за исключением вытирания пыли. Странный подбор книг – биография Наполеона, военные самолеты Второй мировой, средневековые армии, гитлеровская оккупация, от которой у нее прошел мороз по коже. Почти все книги зачитанные, старые. Немного новых. Художественной литературы она не увидела – только документальная, военной или политической тематики. Возможно, эти книги принадлежали его отцу или дяде. На активного читателя он несколько не походил, а вот на кого точно смахивал, так это на тяжелоатлета.

Когда Крис покончил с завтраком, она надела на него курточку и подхватила на плечо матерчатую сумку. Пейдж оставила запакованный чемодан на кровати и с подносом в руках спустилась по задней лестнице. На кухне в переднике хозяйничал Джон, он переворачивал котлетки, а на высоком пламени стояла сковорода для омлетов.

– Проходите и ставьте все на прилавок, – произнес он. – Одну минуту, я сейчас подойду.

– Я могу помыть посуду, – кротко сказала она.

– Ага, я понял.

Пейдж смотрела, как он нажимает на котлетки большой лопаточкой, посыпает омлет сыром, потом ловко сворачивает его и переворачивает на другую сторону. Из тостера выскочил тост, его смазали маслом и положили на большое овальное блюдо. Джон снял передник и повесил его на крючок. На нем были джинсы и черная футболка, до такой степени натянутая на груди, что казалось, она вот-вот лопнет. Его бицепсы были размером с дыню. Он стал бы копией Мистера Мускула, если бы надел белую футболку.

Причер схватил с вешалки джинсовую куртку, накинул ее, потом взял тарелку, крикнул «Иду» и направился в бар. Он поставил тарелку перед сидящим там мужчиной, быстро подлил ему кофе и произнес:

– Я скоро вернусь, вот вам кофейник. Если что-нибудь понадобится, позовите Джека.

Пейдж незаметно глянула в окно, выходящее во двор, и увидела там мужчину в джинсах и клетчатой фланелевой рубашке, который колот дрова. Это пробудило в ней интерес. Она отметила мускулистые плечи и широкую спину – не столь внушительные, как у Джона, но все равно впечатляющие.

Уэс даже близко не приближался к габаритам этих мужчин; он был около шести футов⁸ ростом и в хорошей форме, но что касается мышц, то тут даже сравнивать было нечего, несмотря на прием препаратов. Если бы Джон поднимал на нее руку, как Уэс, она бы не дожидаясь до возможности кому-то рассказать об этом. Ее невольно передернуло.

– Мам, смотри, – сказал Крис, показывая на оленью голову над дверью.

– Я вижу. Ничего себе!

Это место очень напоминало охотничий домик. Джон высунул голову в заднюю дверь и крикнул:

– Джек! Я пошел в клинику. Скоро вернусь.

---

⁶ 60 фунтов равняется 27,2 килограмма.

⁷ 181,5 килограмма.

⁸ Почти 183 сантиметра.

Он повернулся к ней и открыл дверь, кивком предлагая следовать за ним.

– Как мальчик себя чувствует? – спросил он.

– Он съел завтрак. Это хороший знак.

– Хороший, – согласился Джон. – А температура? – шепотом спросил он.

– У меня нет термометра, так что уверенности нет. Но кажется, есть небольшой жар.

– Хорошо, тогда пусть Мел его осмотрит, – заключил он, стараясь идти рядом, но не приближаться слишком близко. Он держал руки в карманах, а она вела сына за руку. Причер посмотрел на мальчика, и тот в ответ взглянул на него. – Все будет хорошо, – сказал Причер, обращаясь к Пейдж. – Мел лучшая. Вот увидите.

Она посмотрела на него, тепло улыбувшись, и Причер ощутил прилив жалости. У нее в глазах стояло столько грусти и страха. Он понимал, что она ничего не может с этим поделать. Если бы не этот страх, он взял бы ее за руку, чтобы придать храбрости, – но Пейдж боялась не только того, кто с ней так поступил. Она боялась всех и вся, включая его.

– Не надо так нервничать, – тихо сказал он. – Мел очень милая.

– Я не нервничаю, – ответила Пейдж.

– Я только представлю вас и уйду. Если вы, конечно, не хотите, чтобы я остался. Может, я вам для чего-нибудь нужен?

– Со мной все будет нормально. Спасибо.

Мелинда сидела на ступеньках клиники с чашкой утреннего кофе и слушала, как Джек занимается колкой дров – его топор опускался на чурбачки, и раздавался громкий треск. Чуть раньше он позвонил ей из бара и сообщил:

– Приходи туда побыстрее, малыш. У Причера есть для тебя пациентка.

– Пациентка? – переспросила Мел.

– Вчера вечером во время шторма в бар забрела какая-то женщина, и он приютил ее на ночь. Он говорит, с ней ребенок, у которого вроде бы высокая температура. И еще он сказал, что она, кажется, в беде.

– Правда? А в чем дело? – поинтересовалась она.

– Без понятия, – ответил Джек. – Я ее пока даже не видел. Причер отдал ей свою старую комнату, ту самую, наверху.

– Хорошо, я скоро буду.

Просто по наитию она сунула в сумку свой цифровой фотоаппарат. И теперь, глядя в направлении бара, она увидела необычайное зрелище. Причер придержал дверь для женщины с ребенком и повел их через улицу. Было впечатление, что он тихо с ней разговаривает и склоняется к ней с заботливым выражением лица. Просто удивительно. Причер был очень немногословным человеком. Мел подумала, что с момента ее приезда в Вирджин-Ривер прошло не меньше месяца, прежде чем она наконец услышала от Причера хоть десяток слов подряд. Если он так обращается с незнакомыми людьми, значит, они ему очень понравились. Это был уникальный случай.

Они приблизились к ней, и Мел встала. Перед ней была женщина двадцати с небольшим лет, с темным пятном на щеке, которое она явно попыталась скрыть косметикой. Но разбитую губу она ничем не могла замазать. Видно, это и была та «беда», которую увидел Причер. Мел вздрогнула. Но потом улыбулась:

– Привет. Я Мел Шеридан.

Женщина заколебалась.

– Пейдж, – сказала она наконец и нервно оглянулась через плечо.

– Пейдж, все в порядке, – подбодрил ее Причер. – С Мел вы в безопасности. Она сохранит любую тайну. В этом она шепетильна до нелепости.

Мел удивленно засмеялась:

– Ничего не до нелепости. Здесь кабинет врача, что-то вроде маленькой медицинской клиники. Мы сохраняем конфиденциальность пациентов, и только.

Это совершенно обычно. – Она протянула Пейдж руку: – Рада с вами познакомиться.

Пейдж пожала ей руку и оглянулась на Причера:

– Джон, спасибо вам.

– «Джон»? – переспросила Мел и рассмеялась. – Не думала, что когда-нибудь услышу, как кто-то зовет тебя Джоном. – Она склонила голову к плечу. – Джон. Звучит мило.

И, добавив: «Идите за мной, Пейдж», она направилась в здание клиники.

Внутри они прошли мимо местного доктора, который сидел в приемной за компьютером.

Он быстро глянул на них, кивнул и вернулся к работе.

– Это доктор Маллинс, – пояснила Мел. – Сюда.

Она открыла дверь смотровой и пропустила Пейдж внутрь. Потом закрыла за ними дверь и произнесла:

– Пейдж, я профессиональная медсестра и акушерка. Если хотите, я могу осмотреть вашего сына. Как я понимаю, у него жар?

– Небольшой. И он не такой активный, как обычно...

– Давайте посмотрим, – сказала Мел, быстро перехватывая бразды правления. Она наклонилась и спросила мальчика, бывал ли он раньше у доктора. Потом она посадила его на кушетку, показала цифровой термометр и спросила, знает ли он, что с ним делать. Мальчик показал себе на ухо, и Мел радостно улыбнулась. – Ты просто ас, – похвалила она. Потом взяла стетоскоп и спросила: – Ты не против, если я послушаю твое сердечко?

Мальчик покачал головой.

– Я постараюсь не щекотать, но мне будет трудно, потому что щекотка – это весело, а я люблю, когда хихикают.

Он тихо засмеялся. Мел дала ему послушать его собственное сердце, потом свое. Она пощупала его лимфоузлы, пока он слушал свою грудь, ногу, руку. Она осмотрела его уши и горло, но к этому времени он уже с ней совсем освоился.

– Я думаю, он подхватил какой-то вирус – вряд ли серьезный. Температура всего сотня⁹. Вы давали ему что-нибудь?

– Детский «Тайленол» вчера вечером.

– Ну, тогда он в приличной форме. В горле небольшая краснота. Продолжайте давать «Тайленол», и пусть пьет побольше жидкости. Не думаю, что здесь есть о чем волноваться. Конечно, если ему станет хуже...

– Его не опасно везти в машине?

Мел пожала плечами:

– Я не знаю, Пейдж. Может, поговорим о вас? Я помогу вам, чем смогу.

Пейдж тут же опустила глаза. Мел понимала, откуда дует ветер. Она несколько лет проработала в отделении скорой помощи большого города и видела много жертв домашнего насилия. Синяк на лице, разбитая губа, тот факт, что она хочет продолжать путь... уехать от кого-то.

Пейдж подняла на нее взгляд:

– Я беременна, срок небольшой. И у меня появились кровяные выделения.

– И синяки? – спросила Мел.

Пейдж отвела глаза и кивнула.

– Понятно. Вы не против, если я взгляну?

Пейдж снова уставилась в пол.

– Не против, – тихо сказала она. – Но как же Крис?

---

⁹ По Цельсию 37,4°.

– О, на этот счет можете не волноваться. Сейчас мы все устроим. – Она нагнулась и с улыбкой посмотрела в карие глаза Кристофера. – Ну, приятель, ты любишь раскрашивать? У меня есть куча раскрасок и мелков.

Мальчик застенчиво кивнул.

– Отлично. Тогда пойдем со мной.

Она помогла ему слезть с кушетки, потом свободной рукой протянула Пейдж халат:

– Наденьте, я дам вам несколько минут. И постарайтесь не пугаться. Я буду все делать медленно и осторожно.

– А... вы что, оставите Криса одного? – спросила Пейдж.

– Почти. – Мел улыбнулась. – Я оставлю его с нашим доктором.

– Он мужчин... немного стесняется.

– Все будет хорошо. Доктор Маллинс отлично ладит с детьми, а особенно хорошо со стеснительными. Он просто проследит, чтобы ваш парень не забрел в хирургический кабинет и не сбежал. Кроме того, он же просто пораскрашивает. За кухонным столом.

– Ну, если вы уверены...

– Мы делаем так постоянно, Пейдж. Все будет хорошо. Постарайтесь не волноваться.

Мел отвела Кристофера на кухню, снабдила его раскрасками и мелками и потом налила себе еще кофе. Без кофеина. В последние дни она почти не получала от кофе удовольствия. Потом она зашла в свой кабинет и достала бланк приема нового пациента. Учитывая ситуацию, она решила, что лучше сначала осмотреть пациентку, а потом предлагать пугающее заполнение бумаг. Она взяла с собой блокнот на кольцах и жесткой подложке и попросила доктора Маллинса присмотреть за сидящим на кухне ребенком, пока она будет проводить гинекологический осмотр.

У Мел самой был срок в несколько месяцев, и ее подташнивало от мысли, что кто-то может ударить беременную женщину. Она не представляла, как, сотворив такое, человек может жить дальше. Она вставила бланки в кольца блокнота, сунула в карман рубашки маленький цифровой фотоаппарат, повесила на шею стетоскоп и постучала в дверь смотровой. Пейдж тихо ответила:

– Войдите.

Мел положила блокнот на тумбу, поставила рядом чашку с кофе и сказала:

– Что ж, давайте сначала померяем давление... – Она взяла манжету тонометра, стала надевать ее на руку Пейдж и вдруг замерла. Все ее предплечье представляло собой сплошной синяк огромного размера.

Мел осторожно стянула халат со спины Пейдж – и едва не охнула. Потом потянула его с другой стороны, открывая синяки на спине, на руке, на груди. Она осторожно стянула его еще ниже, обнажая бедра. Еще больше синяков. Она посмотрела в лицо девушки. На щеках у нее блестели слезы.

– Пейдж, – прошептала Мел. – Господи...

Та закрыла лицо руками. Она стыдилась, что позволила так с собой поступить.

– Вас изнасиловали? – мягко спросила Мел.

Пейдж покачала головой, слезы текли ручьем.

– Нет.

– Кто это сделал? – спросила Мел.

Пейдж закрыла глаза и покачала головой.

– Все в порядке. Сейчас вы в безопасности.

– Мой муж, – прошептала Пейдж.

– И вы бежите от него?

Она кивнула.

– Давайте я помогу вам лечь. Осторожно... Как вы, нормально?

Пейдж кивнула и, не встречаясь с ней взглядом, легла на кушетку. Мел осторожно раздвинула полы халата. Грудь, руки, ноги молодой женщины – все было покрыто синяками. Мел стала ощупывать ее живот, и Пейдж вздрогнула.

– Здесь больно? А здесь? – Следя за ответами Пейдж, Мел постепенно продвигалась вперед. – Здесь? А здесь? – Мел осторожно перекачивала ее с боку на бок – на ягодицах тоже были синяки, как и на нижней части спины и на верхней поверхности бедер. – В моче не было крови? – спросила она.

Пейдж пожала плечами. Она не знала.

– Чистый образец мочи получится взять только с катетером. Мне взять его, Пейдж? Просто чтобы знать точно?

– О боже... Это так необходимо?

– Ладно. Давайте тогда без этого сначала посмотрим все остальное. Вы делали ультразвук этой беременности?

– Я еще ни разу не была у врача, – сказала Пейдж.

Еще один симптом, подумала Мел. Избываемые женщины из-за страха не заботятся ни о себе, ни о своей беременности.

Пейдж облизнула разбитую губу и ничего не выражающим взглядом уставилась в потолок, пока Мел осматривала ее.

– Хорошо, давайте я помогу вам сесть. Не напрягайтесь. – Мел послушала сердце Пейдж, потом осмотрела ее уши и голову на предмет гематом и содранной кожи. – Пейдж, сломанных костей у вас, по-видимому, нет. Во всяком случае, я ничего такого не вижу. Хорошо бы сделать рентген грудной клетки, поскольку в районе ребер есть болезненные места, но, учитывая, что вы беременны... откровенно говоря, я бы вообще положила вас в больницу.

– Нет. Никаких больниц. Там будут делать записи, а я не могу этого допустить.

– Я понимаю, но все выглядит очень опасно. Насколько сильными были кровяные выделения?

– Не очень. Меньше, чем, скажем, месячные.

– Хорошо, ложитесь на спину и подвиньтесь немного вперед. Я постараюсь быть максимально осторожной.

Когда Пейдж легла, Мел надела перчатки и села на стул. Прежде чем касаться наружных половых органов, она дотронулась до внутренней поверхности бедра.

– Я не буду использовать зеркало, Пейдж. Просто обычный осмотр, чтобы оценить размер матки. Скажите, если почувствуете дискомфорт. – Она вставила ей в промежность два пальца, осторожно прижимая низ живота другой рукой. – Вы знаете, какой у вас срок?

– Около восьми недель.

– Хорошо. Матка соответствует восьми неделям беременности. Когда мы закончим осмотр, я сделаю вам тест на беременность. Хотя, если плод был жив хотя бы день-два назад, тест все равно будет положительным, и о последних сутках много он не скажет. У меня нет аппарата, чтобы сделать ультразвук, но он есть в двух соседних городках, куда можно обратиться при необходимости. Но... лучше не все сразу... – Мел хмыкнула. – Пейдж, вы столько пережили. – Она сняла перчатки и протянула ей руку. – Не могли бы вы снова сесть?

Пейдж послушалась, а Мел села на стул напротив и посмотрела ей в глаза:

– Сколько вам лет?

– Двадцать девять.

– Я понимаю, как трудно в вашей ситуации получить необходимую помощь, но не могу не спросить, пытались ли вы обращаться в полицию?

– Пыталась, – очень тихо ответила та. – Я перепробовала все, что могла. Полиция, запретительные судебные ордера, приюты, переезды, семейные консультации... – Она грустно засме-

ялась. – Консультации, – повторила она. – Он за пять минут обаял консультанта. – Она вздохнула. – И после этого стало только хуже.

– Да, это понятно.

– Он собирался убить меня. Сегодня, завтра. Со дня на день.

– Он угрожал вам убийством?

– О да. – Она опустила взгляд и тихо повторила: – Да.

– Как вы очутились в Вирджин-Ривер? – спросила Мел.

– Я... я заблудилась. Я свернула с шоссе в поисках места, где можно остановиться и поесть. И заблудилась. Я уже собиралась возвращаться, когда увидела впереди этот город и бар.

Мел вздохнула. Пришло время для жестокой реальности. И дело было не только в том, что жертве насилия трудно написать заявление в полицию, если никого не застали на месте преступления. В половине случаев жертва сама вносит за своего мучителя залог из страха за свою жизнь. И они боялись не зря, избивающие мужья действительно убивают своих жен. Часто убивают.

– Пейдж, до того, как приехать сюда, я работала в приемном отделении скорой помощи в Лос-Анджелесе. И, к моему сожалению, сталкивалась с ситуациями, подобными вашей. Вам необходима помощь.

– Я как раз пыталась сбежать от него, – ответила та, отчаянно стараясь сдержать эмоции. – Но потом я заблудилась, заболел Крис, а у меня все болело так, что я с трудом вела машину...

– Куда вы направлялись? – спросила Мел.

Пейдж покачала головой, уставившись в пол, потом сказала:

– К подруге, которая ничего об этом не знает.

– Поживите здесь несколько дней. Давайте понаблюдаем, как вы будете себя чувствовать, прежде чем...

Пейдж вскинула глаза на Мел:

– Я не могу! Я очень тороплюсь! Я и так уже выбилась из графика! Я должна... – Она внезапно остановилась. Казалось, она пытается восстановить самообладание. – Я должна добраться до места назначения раньше, чем он объявит меня в розыск. Раньше, чем моя машина...

– Нет, все будет в порядке, – спокойно сказала Мел. – Все будет хорошо, Пейдж. Пусть ваша машина постоит за баром, там ее никто не увидит. Когда придет время уезжать, вы возьмете на кухне нож и ослабите винты на держателе номерного знака. Поменяете свой номер на чей-нибудь еще. Если вы не будете превышать скорость, нарушать правила или не попадете в аварию, у полиции не будет причин проверять ваш номер. – Она пожала плечами. – Здесь замененный номер не заметят еще пару месяцев, если не больше. Я бы точно не заметила.

Пока Мел говорила, Пейдж смотрела на нее во все глаза, приоткрыв рот от удивления.

– Вы предлагаете мне украсть чей-то...

Мел улыбнулась:

– О, неужели я сказала это вслух? Надо получше следить за собой...

– Вы ведете себя, как будто знаете...

– Лучше не будем говорить о том, что вы собираетесь сделать, – покачала головой Мел. – Однажды я работала волонтером в приюте для жертв насилия. Это меня убивало, – сказала она. – Просто разрывало на части. Но там я научилась кое-чему. Когда мчишься на всех скоростях, от этого только хуже. Когда торопишься, то либо едешь слишком быстро, либо вести машину слишком тяжело и больно. Дайте себе несколько дней передохнуть, подлечите раны, дайте сыну выздороветь. А потом уезжайте уже по-умному, не паникуя. А когда приедете на место – где бы оно ни находилось, – пробудьте там несколько дней, а еще лучше несколько недель. У вас серьезные травмы.

– А если он найдет меня здесь?..

– Пейдж, я думаю, шансы на это минимальны. Серьезно.

– У него есть оружие. Хотя он всегда хранит его запертым.

– Пистолет? – спросила Мел, и Пейдж кивнула. Мел услышала собственный вздох облегчения. До приезда в Вирджин-Ривер она ужасно боялась оружия. Пистолеты здесь были мало у кого, но многие имели ружья, которые укладывали медведя с одного выстрела. Или сносили человеку полтела. – Вы мало знаете о наших мужчинах. А сейчас, с твоего разрешения, мне хотелось бы сделать несколько снимков.

– Нет!

Мел коснулась ее предплечья:

– Просто для отчета, Пейдж. Я обещаю, что никому их не передам, но мы будем иметь отчет на случай, если он вам понадобится. Я ведь не собираюсь спрашивать вашу фамилию или откуда вы приехали. Я заполню бланк без фамилии, но поставлю дату. Я сделаю фотографии цифровым фотоаппаратом. И если вы все же согласитесь остаться здесь на пару дней, я бы хотела отвезти вас в Грейс-Валли на ультразвук – чтобы посмотреть, как развивается ребенок. Побудьте здесь столько, сколько нужно, чтобы убедиться, что ваши травмы не серьезнее того, что я вижу при осмотре. Вы ведь понимаете – пока вы под охраной Причера, никто не причинит вам зла.

– Он сказал... Джон сказал, что я могу остаться на пару дней. Но он...

– Что – он? – спросила Мел и нахмурилась.

– Он немного пугает.

Мел улыбнулась:

– Нет, он очень пугает. Всем своим видом. Когда я впервые его увидела, то от страха не могла пошевелиться. Но вот уже пятнадцать лет он самый близкий друг моего мужа и больше двух лет – его деловой партнер по работе в баре. Он и мухи не обидит. К нему просто нужно немного привыкнуть... Но он очень добрый, – тихо добавила она. – У него большое сердце... Такое же большое, как и он сам.

– Я не знаю...

– Вы можете поселиться у нас, – предложила Мел. – Мы найдем еще одну кровать. Или поживите здесь, в клинике. У нас есть наверху две койки для пациентов. Но Причер защитит вас лучше, чем мы или доктор Маллинс, это я вам гарантирую. Что бы вы ни решили, поступайте как вам удобнее. А сейчас давайте немного спустим халат с вашего плеча, – сказала Мел, вытаскивая из кармана фотоаппарат. – Я постараюсь сделать все как можно безболезненней. – Она приспустила халат с ее плеча и, пробормотав «Поехали», сделала снимок. Потом она вернула халат на место и перешла к другому плечу, медленно и осторожно проделав с ним то же самое. Каждый снимок – одна часть тела. Спина, бедра, руки, грудь. Последним было лицо, и на снимке глаза Пейдж были закрыты.

Закончив фотографировать, Мел стала расспрашивать девушку, чем она раньше болела, какие принимала лекарства.

– Фамилия здесь не нужна. Это для докторов, на случай если понадобится вас лечить. А теперь, когда мы все закончили, вам необходимо полежать. Где бы вы хотели побыть?

– А Кристофер?

– Возможно, он тоже немного подремлет. А если нет, мы за ним присмотрим. Между нами говоря, мы все – я, мой муж, Причер и доктор Маллинс – найдем чем его занять. Бог мой, вы даже не представляете, как вам повезло, что вы набрали на Вирджин-Ривер. В этом городке нет продвинутых технологий или больших магазинов, но вы не найдете другого города с таким большим сердцем. Или лучшей едой. – Она улыбнулась.

– Я не хочу обременять своими проблемами ваш городок, – несчастным голосом произнесла Пейдж.

– Ну, – протянула Мел, мягко касаясь ее руки, – в этом вы точно не будете первой.

Глава 3

Когда Пейдж и Кристофер вошли в бар, Джек с чашкой кофе стоял за стойкой, а за столиком завтракал один из постоянных посетителей. Пейдж остановилась у двери, неуверенно оглядывая помещение. Джек кивнул ей и улыбнулся.

– Причер на кухне, – сказал он.

Опустив голову, она прошла туда мимо него. Джек выждал несколько минут, потом снова наполнил чашку Харва и тоже зашел на кухню. Причер был там один, он вытаскивал из посудомойки стойку с бокалами.

– Если ты не против, она останется здесь на пару дней. Пока мальчик не выздоровеет, – сказал Причер.

– И это все? – поинтересовался Джек. – У нее же какие-то проблемы?

Причер пожал плечами и поставил стойку с бокалами на кухонный прилавок.

– Причер, ты же ее не знаешь. И не знаешь, кто ударил ее по лицу.

– Меня не интересует, кто это был, – отозвался он. – Иисусе, как я бы хотел увидеть его физиономию.

– Если ты этого хочешь, она может остаться. Я просто сказал...

– Это твой бар, – сказал Причер.

– Я тебе этим пеняю? Что это мой бар? Поскольку...

– Нет, – ответил Причер. – Ты нормально относишься, несмотря на то что это действительно твой бар. Я просто не хочу, чтобы ты заставил ее... их... почувствовать себя приживалами.

– Я не собираюсь этого делать. Не дури. Ты же знаешь, что мы партнеры. Это и твой дом тоже. И комната – твоя.

– Тогда все хорошо.

Причер направился в бар. Джек последовал за ним.

– Раз уж ты здесь, я пройду, – сказал он.

– Конечно.

– Я скоро вернусь, – добавил Джек и направился через улицу в клинику.

Пациентов не было, но Мел и доктор Маллинс находились у стойки в приемной. Доктор Маллинс сидел за столом, не отрывая взгляда от экрана компьютера. Мел стояла у него за спиной, положив руку ему на плечо. Она подняла глаза на вошедшего Джека и кивком показала ему подойти. У Мел был очень сердитый и обеспокоенный взгляд, затем она снова повернулась к экрану.

Джек никогда раньше этого не делал; Мел не втягивала его в свои медицинские дела, хотя верила ему, как себе, и знала, что ему можно доверить любую конфиденциальную информацию. Она ничего не рассказывала о своих пациентах мужу, поскольку твердо верила, что это неэтично.

На экране были цифровые фотографии. Избитое тело Пейдж под разными углами. Синяки были просто ужасны. Если бы кто-то сотворил такое с Мел, Джек вряд ли бы смог удержаться и не убить того, кто это сделал.

– Господи боже, – выдохнул он. И подумал, знает ли Причер, что дело здесь не ограничивается небольшим синяком на лице.

Мел посмотрела на мужа. Мрачно стиснутые челюсти, пульсирующая на виске жилка и сузившиеся глаза.

– Это не должно выйти за пределы этой комнаты, – произнесла она.

– Конечно не должно.

– Ты понимаешь, почему сейчас стоишь здесь и смотришь вместе с нами на эти фотографии?

– Думаю, да. Она сейчас в баре. Причер хочет, чтобы она там остановилась.

– Хорошо. Но ты должен знать: я сказала ей, что она может остановиться у нас, если захочет. Но думаю, в баре ей тоже будет спокойно, тем более что я поручилась за Причера. Мы должны ей помочь, иначе это животное просто убьет ее.

– Да, конечно. Думаешь, Причер знает, насколько все плохо?

– Я понятия не имею. Я с ним это не обсуждала. Но тебе необходимо знать, что происходит под крышей твоего бара.

– Под крышей нашего бара, – поправил он. Мел и ребенок были его жизнью. Он не представлял, как можно ее ударить. Только нежно обнять. – Ты что-нибудь о ней знаешь? Я не хочу, чтобы Причер привязался к ней. Или чтобы она причинила ему боль.

Мел пожала плечами:

– Я даже не знаю, откуда она. Но не думаю, что волноваться надо именно о Причере.

– Он уже ввязался в это. И принял вызов.

– Ну, это хорошо. Пейдж нужен кто-то, кто примет за нее вызов. А Причер может сам о себе позаботиться.

– Да, мы только что об этом поговорили.

Мел прислонилась к Джеку, и он ее обнял.

– Я никогда не видела ничего подобного, а я видела многое, – выдохнула она. – Этот сукин сын действительно опасен.

– Я не хочу, чтобы ты в этом чересчур увязала, – сказал он.

– Не спорь со мной. Я должна делать свою работу.

– Но это на самом деле опасно, Мел, – возразил Джек.

– Тем больше для меня причин делать свою работу.

Причер удивился, что, вернувшись от Мел, Пейдж решила на несколько дней остаться. До этого казалось, что она просто одержима желанием уехать. А сейчас вместе с Кристофером ушла наверх, и с тех пор оттуда не раздалось ни звука. Они пропустили ланч. Но Причер рассудил, что мальчик плохо себя чувствует, и возможно, он спит, а его избитая мать отдыхает.

* * *

В затишье второй половины дня, как обычно занимаясь ужином, Причер вытащил одну из своих старых поваренных книг. Он всегда восхищался Мартой Стюарт, хотя большая часть ее рецептов для бара не подходила – слишком много возни. Ему нравилась старомодная кухня Бетти Крокер и Джулии Чайлд – они готовили до того, как все стали считать съеденные калории и холестерин.

Он искал рецепт печенья.

Причер знал о детях не так много, в баре не было особого спроса на печенье, но у него сохранились нежные воспоминания о матери, которая его пекла. Она была очень миниатюрной. Маленького роста и высоких принципов. Тихая, но строгая. И очень застенчивая – свою стеснительность он, видимо, унаследовал от нее. Его отец умер совсем молодым, но он тоже был не высокого роста. А потом появился на свет Причер. При рождении он весил больше девяти фунтов¹⁰ и к седьмому классу вымахал до шести футов роста.

У него не было под рукой готовой смеси для выпечки печенья. Но были мука, сахар, простое масло и арахисовое. Из них легко можно было сделать нежное и сладкое печенье.

---

¹⁰ 4,1 килограмма.

Замешивая тесто и скатывая из него маленькие коричневые шарики, он думал о матери. Он представлял, как они вместе сидят на мессе – ее узкие плечи, застегнутое до самого подбородка платье, седые волосы, стянутые на затылке в аккуратный пучок. А рядом сидит он сам, к пятнадцати годам не вмещающийся на одном сиденье. Протыкая мягкие шарики вилкой, он с улыбкой вспоминал, как она учила его водить машину. Это был один из немногих случаев, когда он слышал, что она повышает голос – нервничает и расстраивается. У него слишком большие ноги и слишком длинные. Он слишком грубо обращается с акселератором и с тормозами. «Святые Иисус, Мария, Иосиф! Джон! Будь понежнее! Помедленнее, более изящно! Мне надо было отдать тебя не в футбол, а в балет!» Удивительно, как она тогда не умерла от сердечного приступа.

Она умерла от инфаркта немногим позже, летом, за год до окончания школы. Мать не походила на женщину со слабым сердцем, но кто же знал? Она не обращалась к врачу.

Причер уже делал второй противень печенья, когда поднял голову и заметил маленькую светлую головку, смотревшую на него с нижних ступенек лестницы.

– Привет, – произнес Причер. – Ты поспал?

Кристофер кивнул.

– Хорошо, – сказал он. – Лучше себя чувствуешь?

Крис кивнул еще раз.

Наблюдая за мальчиком, Причер стал медленно подталкивать свежеспеченное печенье по кухонному столу, пока оно не оказалось на краю. Прошла целая минута, прежде чем Крис сделал к печенью один шаг. И еще столько же, прежде чем его маленькая ручка коснулась лакомства, но не взяла его. Крис вопросительно посмотрел на Причера.

– Давай. Скажешь мне, вкусное ли оно.

Крис медленно взял печенье со стола и осторожно откусил маленький кусочек.

– Вкусное? – спросил Причер.

Мальчик кивнул.

Тогда Причер поставил стакан молока рядом с тем местом, где лежало печенье. Крис откусывал по крошечному кусочку и ел его так долго, что Причер успел вытащить из духовки вторую порцию до того, как он закончил. По другую сторону кухонного стола стоял высокий табурет, и малыш в конце концов попробовал на него залезть. Но поскольку в руке он держал какую-то мягкую игрушку, у него ничего не получилось. Причер обошел стол и посадил мальчугана на табурет. Потом вернулся к своей стороне стола и подтолкнул к нему еще одно печенье.

– Только подожди немного, – предупредил он Криса. – Оно еще очень горячее. Попробуй молоко.

Причер стал скатывать арахисовое тесто в шарики и раскладывать их на противне.

– Кто там у тебя? – спросил он, кивая на игрушку в руках мальчика.

– Мишка, – ответил Кристофер и протянул руку к печенью.

– Убедись, что оно как следует остыло, – сказал Причер. – Значит, его так и зовут – Мишка?

Кристофер кивнул.

– Кажется, у него недостает одной ноги.

Мальчик кивнул еще раз.

– Но ему не больно, – сказал он.

– Бедняга. Надо сделать ему вторую ногу. Она, конечно, не будет его собственной, но хоть какая-то. Вдруг он захочет выйти погулять.

Ребенок засмеялся:

– Он не ходит гулять. Я хожу.

– Не ходит, говоришь? Ну, тогда вторую ногу надо сделать хотя бы для красоты. – Причер поднял бровь, они были у него черные и мохнатые. – А ты как думаешь?

Кристофер поднял вверх своего маленького потрепанного медведя с коричневой шерстью и стал его разглядывать.

– Хм... – глубокомысленно изрек он, откусил от печенины и тут же, широко раскрыв рот, выплюнул все на кухонный прилавок. Он выглядел потрясенным. И может, даже испуганным.

– Горячо, да? – спросил Причер, никак не реагируя. Он подошел к мальчику сзади, оторвал кусок от рулона бумажных полотенец и смахнул полупрожеванное печенье. – Надо было подождать еще чуть-чуть. Выпей молока, чтобы охладить рот.

Какое-то время они сидели в тишине – Причер, Крис и трехногий плюшевый мишка. Закончив скатывать тесто в шарики, он стал расплющивать их вилкой, сначала вдоль, а потом поперек.

– Что ты делаешь? – спросил его Кристофер.

– Я делаю печенье. Сначала надо замесить тесто, потом скатать шарики, а потом придавить их вилкой, вот так быстро и просто. А потом их надо поставить в духовку. – Он глянул на Криса из-под тяжелых бровей. – Держу пари, ты мог бы тоже в этом поучаствовать. Если будешь делать все медленно и аккуратно.

– Да, я могу.

– Тогда подойди сюда, я посажу тебя повыше.

– Холосо, – сказал мальчик и, положив медведя на прилавок, слез с табурета и подошел к Причеру.

Причер посадил его на край прилавка. Потом помог правильно взять вилку и показал, как надо давить. Первая попытка вышла немного неаккуратной, и Причер снова помог ему. Во второй раз получилось вполне прилично. Причер дал ему закончить противень и поставил печенье в духовку.

– Джон, а сколько еще нам надо их сделать? – спросил мальчик.

Причер улыбнулся.

– Знаешь что, партнер? Мы сделаем столько, сколько ты захочешь, – ответил он.

Кристофер кивнул с серьезным видом:

– Холосо.

* * *

Пейдж просыпалась медленно. И первое, что она осознала, – она спала так крепко, что на подушку натекла слюна¹¹. Пейдж сонно вытерла рот и повернула голову, чтобы посмотреть на Кристофера. И увидела, что на другой стороне кровати никого нет. Она резко села, ее избитое тело мгновенно отозвалось болью. Пейдж встала и быстро осмотрела спальню, но Криса в ней не было. Она стала спускаться на первый этаж, но вдруг застыла на середине лестницы.

Крис сидел на кухонном прилавке, а около него стоял Джон. Они скатывали коричневое тесто в маленькие шарики. Пейдж скрестила на груди руки и стала наблюдать за ними. Джон услышал ее шаги и с улыбкой поднял голову. Потом подтолкнул Криса локтем и кивком показал на Пейдж. Крис обернулся.

– Мама, – сказал он. – Мы делаем печенье.

– Я вижу, – отозвалась она.

– Джон гаволит, что миске нужна втолая нога...

– Ему и с одной было нормально...

– Для класоты, – закончил Кристофер.

---

¹¹ Считается, что вытекание изо рта слюны во время сна – это признак очень глубокого и хорошего, «сладкого» сна.

Пейдж подумала, что мишка уже давно выглядит довольно страшненьким. Но впервые за очень долгое время Кристофер выглядел нормальным мальчиком.

Когда после окончания занятий Рик пришел в бар заступать на работу, там был только Причер, который занимался обедом. Рику было семнадцать, и он хвостиком таскался за Джеком с тех пор, как тот появился в городе. Причер приехал немногим позже, и теперь они составляли неразлучную троицу. Родители Рика давно умерли, он жил с овдовевшей бабушкой. Джек с Причером взяли его под свою опеку, дали работу в баре, научили охотиться и ловить рыбу, помогли купить первую винтовку.

Иногда он бывал занозой в заднице – когда болтал не закрывая рта. Но он был обычным мальчишкой в подростковом возрасте – том самом, когда угри пытаются потеснить веснушки, – хотя и чересчур неугомонным. За последние несколько лет он вытянулся, окреп и стал гораздо спокойнее. Бар строили около года, и после открытия друзья взяли его туда на работу.

– Рик, надо переговорить, – сказал Причер.

– Да? А что такое?

– В моей старой комнате сейчас живет девушка с ребенком. Я за ними присматриваю. Мальчик плохо себя чувствует, у него что-то вроде простуды. Они останутся у нас на некоторое время. Во всяком случае, похоже на то... И еще, – нехотя добавил Причер. – У нее синяки на лице и разбита губа. Думаю, она попала в беду и бежит от кого-то. Так что... Мы решили, что не станем на людях называть их по именам, просто на случай, если ее будут искать. Девушку зовут Пейдж, а ее сына Кристофер – но лучше обращаться к ним без имен. Они останутся здесь, пока оба не станут лучше себя чувствовать. Понял?

– Господи Иисусе, Прич! – воскликнул Рик. – Чем это ты занимаешься?

– Я же сказал тебе, я за ними присматриваю.

У Причера не было опыта общения с детьми, и он не собирался заводить своих. Ему было тридцать два, и он ни разу не имел с женщиной серьезных отношений. Он думал, что они с Джеком будут ходить на рыбалку, управлять баром и понемногу охотиться, периодически устраивая встречи с друзьями по подразделению, и не считал, что его жизнь сильно изменится. То, что Джек влюбился и потом женился, не разрушило ожиданий Причера, ему очень понравилась Мел. Это никак не повлияло на его собственную жизнь. Вирджин-Ривер ему нравился еще и потому, что здесь не так будет бросаться в глаза, если он всегда будет одинок.

А потом его жизнь изменилась буквально в считанные дни. Или даже, скорее, часы. Кристофер сбегал вниз в одной пижамке, если матери не удавалось перехватить его по пути. Мальчику нравилось есть свой завтрак за кухонным прилавком и смотреть, как Причер нарезает овощи, трет сыр и взбивает яйца для омлетов. Во время уборки Крис с удовольствием помогал ему, подметая пол своей личной метелкой. Ему нравились охотничьи трофеи – медвежья шкура и оленья голова, и к последней Причер поднимал его повыше, чтобы тот мог ее потрогать. В клинике Мел они раздобыли раскраски и мелки, чтобы Крису было чем себя занять, пока Причер занимался обедом или ужином. А печенья пеклось больше, чем съедалось, – это явно была еда не для бара. А потом, как по волшебству, Пейдж стала помогать с посудой на кухне – вероятно, чтобы быть поближе к Крису, который, в свою очередь, хотел быть с Причером, и, может, чтобы немного подзаработать. Причер находил это не только полезным, но и очень приятным.

Пейдж нуждалась в отдыхе, но сначала она не желала оставлять ребенка на попечении Джона. Однако постепенно девушка стала относиться к этому спокойнее – она постоянно находилась поблизости, а Крис чувствовал себя с Джоном совершенно свободно. В итоге на четвертый день их пребывания Пейдж поддалась на уговоры Мел и согласилась оставить Крису с Причером, пока их с Мел не будет. Причер не стал строить догадки, куда они пошли, – он

просто чувствовал себя польщенным, что Пейдж стала доверять ему настолько, что оставила с сыном одного.

Тем не менее он использовал это время в своих интересах.

Причер стал читать в Интернете о домашнем насилии и калифорнийских законах по этому поводу. Он занимался этим поздно ночью, пытаясь узнать как можно больше обо всем – о ситуации, в которую попала Пейдж, о ее ужасных синяках и побеге. Не имело значения, были ли это муж или бойфренд, – и тот и другой представляли одинаковую опасность. Было много информации о похищении ребенка одним из родителей, которое могли ей вменить: она увезла ребенка от его отца – это было незаконно, что бы он ей ни сделал. Кроме того, он узнал, что после обвинений в побоях первые два раза еще могут отпустить на поруки с административным наказанием, но третий раз считается уголовным преступлением с тюремным сроком.

Кроме того, Причер почитал о психологии этого синдрома: как вас обманывают, вами манипулируют, вас запугивают – и внезапно вы оказываетесь в смертельно опасной ситуации. Избиваемым женщинам угрожали смертью, если они кому-нибудь расскажут о побоях, если они сбежали – их находили и возвращали назад, и частенько лишали жизни. У Причера просто шел мороз по коже от такого.

Поэтому, пока Крис спал, а Пейдж ушла куда-то с Мел, Причер позвонил одному из своих друзей по Морскому корпусу. Парню, который часто навещался в Вирджин-Ривер, когда они собирались здесь всей компанией, чтобы поохотиться, порыбачить и сыграть в покер. Майк Валенсуэла работал в лос-анджелесской полиции – он был сержантом в подразделении, занимающемся уличными бандами. Жаль, не в том, которое занималось насилием в семье. Причер позвонил ему и рассказал о Пейдж.

– Она не знает, что я ее видел, – сказал Причер. – Дверь была приоткрыта, и я увидел ее в зеркале... Иисусе... Она была избита до полусмерти, удивительно, как она выжила. Она бежит, спасая свою жизнь. Она бежит, чтобы спасти из этого ада своего трехлетнего ребенка. И он все равно может обвинить ее в похищении и заставить вернуться?

– Похищение родителем. Но здесь такой нюанс: если есть доказательства, что он в прошлом уже избивал ее, или уже есть отметка в полиции об этом, то, может, ей и придется вернуться и держать ответственность за похищение, но обвинения, скорее всего, снимут по ходатайству адвоката или отклонят, смотря по ситуации. После этого она, наверное, сможет получить временную опеку. Дальше развод и запретительный судебный ордер, чтобы она могла чувствовать себя в безопасности.

– Но для этого ей надо будет вернуться, – произнес Причер с ноткой отчаяния.

– Причер, ей не обязательно возвращаться одной. Но как тебя угораздило с ней связаться?

– Совсем не угораздило, дело не в том, старик. Я просто пытаюсь ей помочь. Этот маленький мальчик – очень хороший малыш. Если бы мне удалось им помочь, хоть немного, я бы чувствовал, что сделал наконец что-то важное. На этот раз.

– Прич! – Майк рассмеялся. – Я же был с тобой в Ираке! Какого черта, там ты каждый день делал нечто важное! Эй, а откуда ты столько знаешь о домашнем насилии и законах? А?

– Компьютер, – ответил Причер. – Они ведь есть у всех, кроме Джека, разве нет?

– Полагаю, да. – Майк усмехнулся.

– Но есть еще кое-что, я не смог выяснить это онлайн – кто она такая, насколько виноват он и как здесь лучше всего действовать. Все, что мне известно, – это номер ее машины. Калифорнийский.

– Ох, Причер. Я же не имею на это права.

– А тебе самому не любопытно? – спросил Причер. – Это ведь означает, что было совершено преступление. Майк, тебе же надо просто глянуть в базу.

– Причер, а если новости будут плохими?

– И при этом будут правдой? Я все равно считаю, что это может быть важно.

- Ага, – ответил Майк. – Может быть.
- Причер с трудом сглотнул и понадеялся, что все будет в порядке.
- Спасибо, – сказал он. – И поторопись, ладно?

Пейдж поехала с Мел в Грейс-Валли. Там в местной клинике доктор Джон Стоун осмотрел ее и сделал ультразвук, показав ей бьющееся сердечко в маленьком бесформенном комочке, который нисколько не походил на ребенка. Это дало Пейдж надежду. Она сбежала вовремя. Едва успела.

Ее беременность, естественно, была случайностью. Уэс не хотел детей. Он и Кристофера не хотел – ребенок смещал на себя центр внимания, которым до того была его работа и интересы, и делал Пейдж главной. Новая беременность могла усилить побои; она сказала ему всего за несколько дней до этого. Она очень боялась ему говорить. Но если дело было в ребенке, зачем он стал ее так избивать? Почему просто не предложил аборт?

Самое удивительное, что Пейдж испытала облегчение, узнав, что ребенок выжил. Ведь даже простое прикосновение Уэса вызывало у нее отвращение. Но она просто так чувствовала. И потом пришла к мысли, что сын – единственное светлое пятно, которое получилось из самой большой ошибки ее жизни. «Вас изнасиловали?» – спросила ее Мел. О нет – изнасилования не было. Она бы просто не посмела сказать Уэсу «нет»...

Вернувшись в Вирджин-Ривер, она увидела, что Крис и Джон делают тесто для хлеба, они месили его и смеялись.

«Такая простая сценка», – подумала она. Сколько раз она говорила, что ей нравятся простые вещи, когда Уэс из кожи вон лез, работал на износ ради карьеры и поддержания богатого образа жизни. Нет, она не хотела влачить нищенское существование и умереть на работе, но ее бы намного больше устроил маленький дом и счастливый муж. Незадолго до рождения Криса Уэс купил большой дом в элитном и очень безопасном районе Лос-Анджелеса – он был больше, чем нужно, и его содержание убивало Уэса. И убивало ее.

И в итоге она оказалась здесь. Из-за ребенка. Она должна была добраться до известного ей адреса в Спокане – первый шаг к побегу и жизни на нелегальном положении. Переночевав одну ночь в комнате над баром, она больше не стала баррикадировать дверь и решила, что даст себе сутки отдыха, а потом тихо исчезнет под покровом ночи. Если бы не дождь и размытые дороги, ехать ночью было бы даже проще – пока Крис спит.

В дверь тихо постучали. Первым порывом ее было спросить, кто там, но на самом деле к ней мог стучать только один человек. Пейдж открыла дверь и увидела обеспокоенного Джона. Несмотря на свой рост и габариты, он походил на подростка. Даже краснел, когда смущался.

– Я закрываю бар и подумал, что неплохо бы пропустить стаканчик на сон грядущий. Как ваши дела? Не хотите спуститься вниз?

– Ради того, чтобы выпить?

Он пожал плечами:

– Ради чего хотите. – Он посмотрел мимо нее в глубь комнаты. – Крис уже заснул?

– Выключился, как свет, несмотря на передозировку печенья.

– Да, кажется, я его перекормил. Извините.

– Не волнуйтесь, ему нравится делать печенье. А если он его делает, то должен и есть. Это просто игра, которая иногда важнее самого лакомства.

– Я сделаю, как вы скажете, – ответил Джон. – Я могу его ограничить. Хотя печенье ему действительно нравится. Он им даже рот обжигает, никак не может дождаться.

– Я знаю, – сказала Пейдж и улыбнулась. – У вас есть что-нибудь вроде... чая?

– Конечно. Помимо любителей спорта я в основном обслуживаю пожилых леди. – Он вдруг испуганно посмотрел на нее. – Я не имел в виду...

– Я бы хотела чашечку чаю. Хорошего свежего чая.

– Отлично, – кивнул Джон, явно испытав облегчение. Он повернулся и пошел вниз по лестнице впереди нее.

В кухне никого не было. Он поставил подогреть чайник, а Пейдж пошла в бар и села за столик у огня, где в первую ночь видела стаканчик Джона. Тот принес ей чашку с чаем и спросил:

– Вы хорошо провели время? Я имею в виду, с Мел.

– Да. Кристофер доставлял вам беспокойство?

Джон засмеялся и покачал головой:

– Нет, удовольствие. Все-то ему надо знать. И в подробностях. «Зачем сюда класть ложку этого? А зачем здесь, на подносе, «Криско»?¹² А дрожжи так вообще произвели неизгладимое впечатление. По-моему, в нем сидит маленький исследователь.

Пейдж подумалось, что Крис не смог бы задать эти вопросы своему отцу. У того никогда не было терпения отвечать на них.

– Джон, у вас есть семья?

– Сейчас уже нет. Я был единственным ребенком. А мои родители были в возрасте – они уже и не думали, что у них будут дети. А потом появился я и удивил их. Черт, вот уж точно удивил! Мой отец умер, когда мне было шесть, – несчастный случай на стройке. А мама – когда мне исполнилось семнадцать, перед самым выпускным классом.

– Мне очень жаль.

– Спасибо, но все в порядке. У меня была хорошая жизнь.

– А что с вами стало, когда вы потеряли мать? Переехали жить к тете или каким-то другим родственникам?

– Никаких тетя, – ответил он и покачал головой. – Меня взял к себе футбольный тренер. Что было неплохо – у него была хорошая жена и куча своих маленьких детишек. И жить у него было нормально. Он вел себя так, словно приобрел меня на футбольном матче, – сказал он со смехом. – Ладно, если без шуток, то он сделал правильную вещь. Хороший мужик. Я с ним сейчас переписываюсь по электронной почте.

– От чего умерла ваша мама?

– Сердечный приступ.

Они помолчали, отдавая дань уважения. Потом Джон тихо рассмеялся, глядя себе в колени.

– Вы не поверите, она умерла на исповеди. И сначала это меня подкосило. Я думал, что, может, она хранила какую-то страшную тайну и это разорвало ее сердце, но потом мне помог наш священник, у которого я был алтарным служкой. В конце концов он поговорил со мной по душам, хоть это и было для него нелегко. Видите ли, моя мама была приходским секретарем и настоящей... – как бы это сказать? – церковной леди, очень набожной прихожанкой. Отец Дэмиан сказал мне, что исповеди моей мамы были настолько скучными, что он частенько на них засыпал. В тот раз он решил, что они оба заснули, но потом понял, что она мертва. – Он поднял брови. – Моя мама была хорошей женщиной, серьезной. Она жила ради своей работы, любила духовенство и церковь. Она могла бы стать прекрасной монахиней. Но знаете что? Она была счастлива. И я очень сомневаюсь, что ей хоть раз приходила в голову мысль, что ее жизнь скучна и со всех сторон ограничена.

– Должно быть, вы очень по ней скучаете, – произнесла Пейдж, потягивая чай у горящего камина. Она пыталась вспомнить, когда в последний раз так с кем-нибудь разговаривала. Неторопливо, расслабленно, в тепле пышущего очага.

---

¹² Crisco – известная в США марка маргарина для выпечки.

– Скучаю. Может, это покажется глупым, тем более что я давно не ребенок, но иногда я притворяюсь, что она вернулась в маленький домик, где мы жили, и я собираю вещи, чтобы поехать к ней.

– Мне не кажется это глупым...

– А у вас есть кто-то, по кому вы действительно скучаете? – спросил он.

От неожиданного вопроса она замерла, чашка с чаем застыла в воздухе. Да, она скучала. Но не по отцу, который был вспыльчив и непредсказуем. И не по матери, которая, сама того не понимая, воспитывала ее под мужа-садиста. И не по брату Бадю, этому злобному ублюдку, который не помог ей в самый тяжелый момент ее жизни.

– У меня были две близкие подружки. Мои соседки по дому. Я потеряла с ними связь и иногда очень скучаю.

– Вы знаете, где они теперь? – спросил Джон.

Пейдж покачала головой.

– Обе вышли замуж и переехали, – ответила она. – Я писала им пару раз. Но мои письма возвращались.

Они не хотели с ней контактировать, они знали, что все плохо. Они ненавидели Уэса, а Уэс ненавидел их. Они как-то пытались предлагать ей помощь, но Уэс их выгнал, а Пейдж отказалась принять помощь из чистого стыда. Что им еще оставалось делать?

– Как вы сблизились с Джеком? – спросила она у Джона.

– Мы морпехи, – сказал он, пожимая плечами.

– Вы вместе пошли в армию?

– Нет. – Он засмеялся. – Джек старше меня на восемь лет. Но если я всегда выглядел старше своего возраста, даже когда мне было двенадцать, то Джек, держу пари, всегда выглядел моложе. Он был моим старшиной во время операции «Буря в пустыне».¹³

На долю секунды он снова туда вернулся. Он меняет проколотую шину, но взрывается обод и отбрасывает его на шесть футов, и он не может подняться. Он помнит все, как будто это было вчера: он такой огромный, накачанный, сильный – и не может двинуться с места. Видимо, какое-то время он был без сознания, потому что вдруг увидел мать. Она наклонилась над ним и тихо сказала, глядя ему в глаза: «Вставай, Джон. Вставай. Вставай». На ней было шерстяное платье с высоким воротником, седые волосы стянуты в пучок.

Но он не может двинуться и плачет. И зовет ее: «Мама!»

– Сильно болит, приятель? – спрашивает Джек, наклоняясь над ним.

А Причер отвечает:

– Моя мама. Пусть она придет. Я скучаю по ней.

– Мы сейчас вернем тебя к ней. Дыши глубже, друг.

– Она умерла, – говорит Причер. – Она умерла.

Джек знает от кого-то из команды, что мать Причера умерла пару лет назад.

– Простите, старшина, не сдержался. Никогда себе такого не позволял. Не ронял слезы. Мы же мужчины, мы не плачем. Я клянусь, раньше со мной такого не бывало.

Но он все равно продолжает беспомощно плакать.

– Мы оплакиваем людей, которых потеряли. Все нормально, приятель.

– Отец Дэмиан наказал меня помнить, что она теперь с Богом. Она счастлива, и не стоит портить память о ней слезами.

– Священники обычно умнее, – неодобрительно фыркает Джек. – Если ни над кем не плакать, слезы внутри нас превращаются в змей и съедают нас изнутри. Оплакивать надо обязательно.

– Простите...

---

¹³ «Буря в пустыне» – боевая операция во имя независимости Кувейта в начале 1991 года.

– Давай, приятель, или тебе будет только хуже. Зови ее, зови свою мать, кричи ей, привлеки ее внимание. Черт подери это прошлое!

И он слушается. Рыдает, как ребенок, на руках у Джека. А тот укачивает его и повторяет:

– Вот так, вот так. Вот и правильно...

Джек какое-то время сидит с ним, разговаривая о матери. Причер рассказывает, как провел последний год школы – молча и несгибаемо. И как потом, не зная, куда себя девать, пошел в Морской корпус. Он нашел там названных братьев, но они не смогли заменить ему матери. И сейчас, когда этот чертов обод разрезал его чуть ли не пополам, из него просто изливается боль потери. Для него, дылды ростом в шесть футов четыре дюйма и двести пятьдесят фунтов весом, унижительно рыдать над матерью, которая ростом всего пять футов три дюйма.

– Нет уж, это как раз то, что тебе нужно, – говорит ему Джек. – Ты должен выплакаться.

Чуть позже Джек подтягивает его повыше, взваливает на плечо и несет на себе целую милю, пока не встречает по дороге конвой. И потом говорит ему:

– Выпускай все из себя, приятель. А потом приклеивайся ко мне – теперь я буду твоей мамой.

– Плохо терять связь с людьми, которые так много значат для нас, – сказал Причер-Джон, обращаясь к Пейдж. – Вы не пытались искать своих подруг?

– Я давно об этом не думала, – ответила она.

– Если захотите попробовать, я, возможно, смогу помочь.

– Каким образом?

– Через компьютер. Мне нравится заниматься поисками. Это будет не очень быстро, но должно сработать. Подумайте об этом.

Пейдж обещала подумать. Потом она сказала, что очень устала и хочет лечь спать, и они пожелали друг другу доброй ночи. Пейдж поднялась в свою комнату, а Причер вернулся к себе в квартиру.

Именно тогда Пейдж решила, что ей лучше уехать. Она не могла позволить себе привыкнуть к здешней жизни. Больше никакой уютной болтовни, никаких вечерних разговоров. Привязанности даже не рассматриваются.

Глава 4

Пейдж закончила собирать чемодан. Она стянула с сына одеяло в поисках его мишки, но игрушки там не оказалось. Она перерыла всю кровать, потом заглянула под нее, осмотрела ванную и даже пустые ящики бюро – мишки нигде не было. Она решила, что посмотрит еще на кухне перед уходом, но, если мишка потерялся, его придется оставить здесь.

Она вытащила из бумажника двести долларов, положила их на бюро и села на край кровати рядом с Кристофером. Напряженная как струна, она зажала ладони между коленями. И ждала. В полночь она надела куртку и осторожно спустилась вниз. Дом был таким крепким, что не скрипнула ни одна половица.

На кухне был оставлен свет для нее. Сегодня Пейдж впервые спустилась вниз уже после отхода ко сну, не считая самой первой ночи. Она всегда подозревала, что Джон оставляет для нее свет каждую ночь. На цыпочках она подошла к двери его квартиры и прислушалась. Тишина, света под дверью не видно.

Помогая Джону убирать на кухне, она удачно заметила там фонарик. До этого она предполагала воспользоваться коробком спичек. Ей нужен был свет, чтобы заняться номерными знаками. Она меняет их, потом принесет свой чемодан и чемодан Криса. Пейдж взяла из ящика нож для масла и через заднюю дверь выскользнула из кухни.

Оказавшись позади бара, она с облегчением увидела, что в квартире Джона нет света. Она присела на корточки и трясущимися руками скovyрнула свой номер. Потом взялась за номер машины Джона и на его место поставила только что снятый. Вернувшись к своей «хонде», она наклонилась, собираясь привинтить туда новый номерной знак.

– Снова собираетесь в путь, Пейдж? – раздался голос Причера.

Она подпрыгнула на месте, выронив номер, нож и фонарик, и выпрямилась. Дыхание срывалось, сердце стучало молотом. На дорожке появился свет фонаря. Направленный вниз, он освещал землю и ноги Причера. Тот сделал еще пару шагов к ней, и Пейдж увидела его целиком.

– Не работает, – сказал он, кивнув в сторону ее машины. – Это номер от грузовика, Пейдж. Первый же шериф или патрульный сразу поймет, что к чему.

У Пейдж навернулись слезы. Никогда еще она не оказывалась в такой ситуации. Она продрогла от ночного холода, руки теперь дрожали еще сильнее, а внутренности завязались тугим узлом.

– Без паники, – произнес Причер. – Я не думаю, что вам сейчас нужны другие номера, но мы найдем вам подходящий. У Конни, что живет через улицу, есть маленькая машина. Она не станет скучать по своим номерам.

По щеке Пейдж скатилась слеза, и она наклонилась, чтобы поднять фонарик.

– Я... ну... я оставила там деньги. Наверху. За еду и комнату. Не очень много, но все-таки...

– Ох, Пейдж. Когда вы так говорите, я выгляжу форменной свиньей. Вы же должны понимать, что о деньгах я вообще не думал.

Она загнала слезы внутрь и спросила:

– Тогда о чем вы думали?

– Пойдемте, – вместо ответа, сказал Причер и протянул ей руку. – Здесь холодно. Пойдемте в дом, я заварю вам кофе, чтобы вы не заснули за рулем, а потом сам поменяю вам номера. Больше ради вашего спокойствия, чем по необходимости.

Она пошла рядом с ним, держась на некотором расстоянии.

– Почему вы говорите, что мне нет необходимости менять номера?

– Вас никто не ищет, – сообщил он. – По крайней мере, официально. Так что пока вы в безопасности.

– Откуда вы знаете, что меня не ищут? – спросила Пейдж, чувствуя, что сейчас упадет на землю и от беспомощности разрыдается.

– Я объясню, – ответил Причер. – Только подброшу в огонь дров, и, когда вы согреетесь, мы поговорим. И потом я поменяю номера, если вы этого захотите. Но я думаю, что после нашего разговора вам скорее захочется подняться наверх и поспать до утра, а потом уже ехать при дневном свете. Кроме того, – добавил он, открывая для нее заднюю кухонную дверь, – ваш мишка у меня, и я должен его вернуть. Вы же не можете уехать без него?

Пейдж вошла на кухню и заплакала, прижимая пальцы к губам. Она чувствовала себя пойманной преступницей. И от его хорошего отношения ей становилось только хуже.

– Я везде искала этого проклятого медведя, – прошептала она и всхлипнула.

Причер повернулся к ней. Рука прижата ко рту, в глазах блестят слезы – казалось, она содрогается от усилий, чтобы только не издать ни звука. Причер медленно и осторожно при-тянул ее к себе за плечи. Прижал к своей огромной груди, нежно обнимая обеими руками. И внутренние оковы Пейдж рухнули, она зарыдала у него на груди. Перестав сдерживаться, она судорожно всхлипывала и захлебывалась слезами.

– Ты слишком долго держала это в себе, да, Пейдж? Все хорошо, я здесь. Я знаю, что ты напугана и обеспокоена, но все будет хорошо.

Она очень в этом сомневалась, но сейчас была совершенно без сил. Ее хватало только на то, чтобы плакать и трясти головой. Пейдж попыталась вспомнить, когда в последний раз ее обнимали с желанием защитить и утешить. Это было очень давно. Настолько, что она не могла вспомнить. Даже ранний Уэс на пике своего манипулирования ее чувствами так не делал. Он мог только рыдать. Сначала ударит ее, избьет, а потом плачет, и она сама его утешает.

Причер долго укачивал ее в полутемной кухне, пока она не успокоилась. Затем, придерживая ее за спину, он провел Пейдж в бар. Посадил ее все на тот же стул рядом с камином, поворошил поленья, чтобы они получше разгорелись, и подбросил еще одно свежее. Потом сходил в бар и налил ей бренди. Когда он поставил перед Пейдж бокал, она сказала:

– Я готова ехать.

– Тебе лучше не садиться за руль, пока ты не успокоишься. Просто глотни. Я потом сделаю тебе кофе, если захочешь.

Он сел на соседний стул к ней лицом, поставил локти на колени и наклонился вперед:

– Когда ты здесь появилась, я понятия не имел, что с тобой случилось. Но понимал, что это нечто плохое и дело совсем не в дверце машины. У тебя были калифорнийские номера. Поэтому я позвонил своему хорошему другу, которому я доверяю. Он проверил твои номера, они зарегистрированы на твоего мужа, которого уже задерживали за избивание жены. – Причер пожал плечами. – Большого мне и не требовалось, чтобы все понять.

Пейдж закрыла глаза, потом медленно открыла и сфокусировала взгляд на его лице. Она поднесла бренди к губам и сделала крошечный глоток, ничего не подтверждая и не отрицая.

А Причер продолжил:

– Он не объявлял тебя в розыск, так что полиция тебя не ищет. Я не знаю, в чем состоит твой план, Пейдж, но, если ты увезешь Кристофера за границу штата, ты нарушишь закон, который может больно по тебе ударить, когда ты захочешь получить опеку. Я догадываюсь, ты думаешь о том, что проделала весь этот путь из Лос-Анджелеса и уже почти выехала из штата. Если ты собираешься просто исчезнуть... хм... мне не кажется, что это хорошая идея. Ты просто не понимаешь, что делаешь, – и будешь совершать ошибки. Ты не знаешь разницы между номерами грузовиков и легковых машин. И тебе недостает хитрости.

Пейдж издала горестный смешок. Может, в этом и есть ее проблема: слишком мало изворотливости.

– Если у тебя есть место, где тебе помогут скрыться и обеспечат безопасность, – это идея получше. Только надеюсь, что там будет наготове компания больших и сердитых парней вроде нас с Джеком. Просто на случай, если этот сукин сын тебя выследит и захочет вернуть.

– У меня нет выбора, – прошептала Пейдж. – Я должна уехать.

– Конечно, он у тебя есть, – возразил Причер. – Знаешь какой? Ты без проблем получишь опеку над Крисом, во всяком случае временную, учитывая приводы его отца, и не важно, что он не был признан преступником. Тебе не нужно его согласие на развод. Это можно сделать просто по согласию сторон.¹⁴

Пейдж покачала головой и снова закрыла глаза, по ее щеке снова скатилась слеза. Но Причер все продолжал:

– Есть запретительные ордера. И даже если он их проигнорирует, закон будет на твоей стороне. Пейдж, ты когда-нибудь думала обо всем этом?

– Откуда ты все это узнал? Тебе рассказал твой друг?

– Я хотел разобраться и поискал информацию, – объяснил он.

– Тогда ты должен понимать, что, если я попытаюсь пойти этим путем, он меня убьет. Он зол и безумен. И хочет меня убить.

– У него ничего не выйдет, если ты останешься здесь, – ответил Причер.

Она замолчала, ошеломленная его словами. Потом сказала:

– Я не могу здесь остаться, Джон. Я беременна.

На этот раз шок отразился уже на лице Причера. Бессловесный и темный, как осенняя озерная вода, он сначала появился в его глазах. Причер откинулся на спинку стула, выражение его лица постепенно менялось по мере того, как он осознал сказанное. Потом он встал, сходил к бару, налил себе выпить и одним духом осушил бокал. Затем он вернулся на свой стул у камина и спросил:

– Он знал? Когда он избивал тебя, он знал, что ты ждешь ребенка?

Она кивнула и, сжав губы, отвела взгляд. Умом она понимала, что это не ее вина, но на эмоциональном уровне что-то постоянно твердило ей: «Ты вышла за него замуж и родила от него ребенка, но вовремя не ушла, ты сама это допустила, сама все испортила, а потом опять забеременела, ничего не успевала сделать вовремя, не заметила предупреждающих признаков, а ведь все было ясно как день».

– Ты когда-нибудь жила в приюте для пострадавших женщин? – спросил Причер.

Пейдж кивнула.

– Тогда вот твой выбор, – спокойно произнес он. – Ты можешь остаться здесь и постараться организовать все так, чтобы, уехав, не нарушить закон и не скрываться от правосудия всю оставшуюся жизнь. У тебя не возникнет проблем – через улицу живут медики, которые помогут тебе, если понадобится. Если хочешь, можешь помогать мне на кухне – так ты не будешь чувствовать себя обязанной. А если ты столкнешься где-то здесь с этим сукиным сыном, мы будем наготове. Считай, что живешь в приюте. Как и в любом приюте, люди просто хотят тебе помочь. Либо ты можешь уехать, если хочешь, – и следовать своему первоначальному плану. Что бы ты ни выбрала, в любом случае не стоит сбегать ночью. При дневном свете гораздо безопаснее. – Он встал. – Посиди минутку и подумай. Выпей немного бренди – капелька ребенку не повредит, а тебе явно это необходимо. Я пойду поменяю тебе номера, а потом принесу медведя. Ты же знаешь, что не можешь без него уехать, что бы ты ни решила.

Он ушел в свою квартиру и оставил ее одну. Пейдж слышала, как он вышел на улицу через черный ход. Должно быть, он нашел игрушку на кухне и убрал ее в безопасное место. В камине упало прогоревшее полено, и Пейдж плотнее запахнула на себе куртку. Она сделала еще один маленький глоток бренди, который обжег ей горло, но, как по волшебству, помог

---

¹⁴ Для развода по взаимному согласию сторон в большинстве штатов США достаточно просто желания развестись.

расслабиться и немного успокоить нервы. Хотя, может быть, свою лепту внесла информация, что Уэс не натравил на нее полицию. Вскоре вернулся Джон, на нем была куртка, а в руках он держал плюшевого медведя.

– Конни никогда в жизни не заметит разницы в номерах, – сказал он, протягивая Пейдж медведя. – Кроме того, если бы она узнала, в чем дело, то сама бы тебе их предложила.

Пейдж, нахмурившись, смотрела на медведя – он был не совсем такой, как раньше. Теперь у него была вторая нога, сшитая из синей с серым фланели. Она не совсем подходила – просто пришитая к медведю фланелевая трубочка, заполненная чем-то мягким, – но зато теперь игрушка стала симметричной.

– Что ты с ним сделал? – спросила она, забирая медведя.

Причер пожал плечами:

– Я сказал Крису, что попробую. Выглядит несколько по-дурачки, но в тот момент это казалось неплохой идеей. – Он сунул руки в карманы. – Ты не надумала все-таки отдохнуть сегодня? Точно хочешь ехать прямо сейчас? Я могу дать в дорогу горячего кофе, если ты твердо решила уехать. По-моему, у меня даже термос есть, и я могу...

Пейдж встала, оставив бренди на столе. Она крепко прижимала к себе игрушку сына.

– Я возвращаюсь в постель, – сказала она. – Мы уедем после того, как Крис позавтракает.

– Если это именно то, чего ты хочешь, – отозвался Причер.

* * *

Пейдж проснулась от неясного утреннего света и звука топора, раскалывающего дерево. Она перевернулась на другую сторону и увидела, что Кристофер мирно спит, обнимая своего мишку с новой ногой из сине-серой фланели. Ей надо было все хорошенько обдумать. Она боялась рисковать. Но ехать в Спокан по неизвестному адресу и соглашаться на жизнь, о которой она ничего не знает, тоже было страшно. К тому же она не была уверена, что у нее хватит ловкости жить нелегально.

Она считала, что кое-что вынесла из своего опыта. Если бы ей что-то здесь угрожало, даже если она почувствовала бы это на уровне интуиции, то вмиг бы отсюда исчезла. Безо всяких замен номеров и прощаний.

Причиной ее желания уехать было чувство вины – она не хотела, чтобы помогающие ей люди пересеклись с Уэсом и оказались в опасности. Но в реальности, куда бы она ни пришла – в семью, в приют, в убежище, – все, кто ей помогал, рисковали. И иногда мысль об этом становилась непереносимой.

Она не стала будить Крису, тихо оделась и спустилась по лестнице на кухню. Причер стоял у кухонного прилавка, нарезаая соломкой и кубиками продукты для утренних омлетов. Он увидел Пейдж у подножия лестницы, и нож в его руке замер.

– Я хочу воспользоваться твоей стиральной машиной и сушилкой, – сказала она. – Мы взяли с собой не так много вещей.

– Конечно.

– Думаю, что нам есть смысл остаться здесь. На некоторое время. Я буду рада помочь тебе на кухне, если надо.

Причер снова занялся нарезкой, но значительно медленней.

– Это-то как раз просто устроить. Минимальная плата плюс комната и еда. Скользящий график. Джек будет платить тебе, как захочешь. Ежедневно, еженедельно, ежемесячно – без разницы.

– Джон, это слишком много. Я согласна помогать просто за комнату и еду.

– Мы открываемся в шесть и работаем до девяти с чем-нибудь. Нас здесь двое: я и Джек. И еще Рик приходит после школы. После двух дней работы ты начнешь жаловаться, что это рабский труд.

Пейдж улыбнулась и покачала головой:

– На остальное я не готова – запретительный ордер, опека... при обращении в суд я должна буду открыть место своего пребывания, а я не могу этого сделать.

– Вполне понятно, – сказал он.

– Он найдет меня, рано или поздно. Выдвинет обвинения, будет искать через полицию, наймет детектива... Но он сделает все, чтобы меня найти. Он не позволит мне сбежать.

– Не все сразу, Пейдж. Решай проблемы по одной, – посоветовал Причер.

– Ты так уверен...

– Меня это не беспокоит. Мы будем наготове.

Пейдж глубоко вздохнула.

– Ладно. Где у тебя стиральная машина? – спросила она.

– В моей квартире. Входную дверь я вообще не запираю. – Причер снова перестал резать, посмотрел на нее и спросил: – Что именно заставило тебя принять такое решение?

– Новая нога у медведя. Из старой фланели...

– «Старой»? – переспросил Причер и чуть улыбнулся. – Это была совершенно новая и целая рубашка.

* * *

Причер отнес в бар завтрак для Рона и Харва и выглянул в окно, желая увидеть Джека – тот стоял у пня, держа в руке топор. Он услышал, как в его квартире заработала стиральная машина.

Причер налил две чашки кофе и вышел на задний двор. Увидев его, Джек всадил топор в пень. Причер передал ему чашку.

– Кофе прямо к рабочему месту, – заметил Джек. – Могу предположить, что ты что-то задумал. – Он сделал глоток и посмотрел поверх чашки на Причера.

– Я просто подумал, что нам пригодилась бы помощница.

– И что?

– Пейдж упомянула, что ищет подработку. Мальчик не проблема.

– Хм...

– По-моему, неплохая идея, – сказал Причер. – Спальня над кухней все равно пустует. Можешь вычесть ее зарплату из моей.

– Мы тут зарабатываем деньги, Прич. И иногда нанимаем работников. Она же не требует зарплаты в пятьдесят штук или личного пенсионного плана по 401-й?¹⁵

Причер скорчил гримасу. Джеку кажется, что у него есть чувство юмора.

– Наверное, это будет временно.

– Мои обязанности меняются, – заметил Джек. – Их становится все больше, – добавил он с гордой улыбкой. – Было бы неплохо иметь здесь подмогу, пока я занимаюсь другими делами.

– Хорошо. Пойду сообщу ей о решении. – Он повернулся, чтобы уйти.

– Да, Причер, – окликнул друга Джек, и тот обернулся к нему. Джек отдал ему обратно пустую чашку. – На самом деле ты ведь уже ее обрадовал, верно?

– Только сказал мимоходом, что, возможно, у нас найдется для нее работа.

– Ага. Только один вопрос. Она заметала следы по пути сюда?

---

¹⁵ Речь о корпоративной пенсии, личном сберегательном счете, который пополняется работником с каждой зарплаты до уплаты подоходного налога. Регулируется статьей 401 Трудового кодекса США.

- Никто не знает, что она здесь, Джек. И это совершенно не наше дело...
- Я не из любопытства спрашиваю, Причер. Я хочу знать, к чему готовиться.
- Хорошо, – ответил Причер. – Я рад это слышать. Я сообщу, если что-нибудь изменится.

В Вирджин-Ривер существовало нечто, дающее Пейдж душевное равновесие. Мелочи вроде ее машины, зажатой между двумя большими грузовиками, – машины, которую ей не было нужды выводить оттуда. Стук топора перед рассветом, который практически совпадал с появлением запаха свежего кофе. И работа – ей нравилась эта работа. Она начиналась с расстановки столов и готовки блюд, но меньше чем через пару часов Джон уже показывал ей, как он готовит суп, хлеб, пироги.

– Пользоваться тем, что мы имеем, – это настоящее искусство, – объяснял он. – Во многом бар процветает потому, что мы готовим то, что приносим с охоты или рыбалки, используем продукты, которыми платят пациенты доктору Маллинсу и Мел, и стараемся заботиться о наших посетителях. Джек говорит, если мы будем заботиться в первую очередь о горожанах, то у нас все будет прекрасно. Вот мы этим и руководствуемся.

– Как это – заботиться о горожанах? – спросила озадаченная Пейдж.

– Да просто, – ответил Причер. – Мы закладываем в бюджет три приема пищи – завтрак, обед и ужин, и люди знают, что у нас, бывает, что-то остается. Закупая продукты, мы объезжаем на грузовиках все магазины вдоль побережья и все супермаркеты и по дороге заходим к тем, кто не может сам к нам приехать, – к старикам, инвалидам, иногда к недавно родившим женщинам, – и приносим им еду. Им это нравится – раз или два поесть то, что подают в нашем баре. По особым случаям мы просто открываем дом и продаем только коктейли, а остальное приносят в кастрюлях женщины из города. Мы ставим кружку для пожертвований за место в баре, за содовую, за пиво – и мы собираем больше, чем тебе может показаться. Мы ставим хороший ликер в качестве приза для охотников и рыбаков с нахлыстовыми снастями¹⁶, но в счет не добавляем, и люди это приветствуют. – Причер увидел удивленное выражение ее лица и добавил: – Плата за выпивку, Пейдж. Они знают, сколько стоит «джонни уокер блэк». Им нравится, что мы стараемся им угодить, – и у них есть деньги. Они оставляют их на столиках и в баре. – Он усмехнулся.

– Изумительно! – воскликнула она.

– Да нет. Мы с Джеком и охотники, и рыбаки. Приятно заботиться о людях, которые к нам хорошо относятся. Наверное, самое важное – это запоминать каждого, кто приходит, и делать все, чтобы они чувствовали себя здесь как дома. Джек в этом мастер. И еще еда. Мы небольшое заведение и не очень опытное, но наша еда имеет хорошую репутацию, – сказал Причер, выпятив грудь.

– Да, – согласилась Пейдж. – Еда у вас хорошая, хоть и калорийная.

В этом маленьком деревенском баре Пейдж чувствовала себя как в защитном коконе. Рик и Джек хорошо отнеслись к ее пребыванию здесь, и оба подкидывали ей занятия, чтобы не сидеть без дела. Эта была работа по мелочи, но они обращались к ней так, словно не понимали, как раньше справлялись без нее. И еще были клиенты – они приходили практически ежедневно, а иногда даже дважды в день. И они сразу же стали относиться к Пейдж так, словно она уже давно здесь работает.

– В последнее время мы явно не обделены печеньем, – заметила Конни. – Ради этого стоило взять на кухню женщину.

Пейдж не стала объяснять, что они обязаны этим Джону, который делал лакомство для Кристофера, а отнюдь не для посетителей в баре, которым нравится пить кофе с печеньем.

– Пейдж, что он готовит сегодня на ужин? – спросил доктор Маллинс.

---

¹⁶ Нахлыстовые снасти используются для ловли рыбы на удилище или спиннинг, исключают браконьерство.

– Марсельскую уху, – ответила та. – Пальчики оближешь.

– Фу, терпеть не могу эту хрень. – Доктор наклонился к Пейдж. – Он не припрятал там где-нибудь остатки вчерашней фаршированной форели?

– Сейчас посмотрю, – сказала она и улыбнулась, чувствуя себя при деле.

Мел бывала в баре по меньшей мере пару раз за день, а иногда и чаще. Когда выдавались тихие часы, а у нее самой не было пациентов, она с радостью болтала с Пейдж. Мел знала о ситуации больше, чем кто-либо, и именно она спросила у Пейдж, как идет ее выздоровление.

– Лучше, – ответила Пейдж. – Во всех смыслах. Выделений больше не было.

– Обосноваться здесь было хорошей идеей, – заметила Мел, обводя рукой бар.

– Это была не моя идея, – пояснила Пейдж. – Джон сказал, что я могу остаться и немного подработать. Если захочу.

– По-моему, тебе нравится здесь работать, – сказала Мел. – Ты часто улыбаешься.

– Да, – с огромным удивлением признала Пейдж. – Кто бы мог подумать? Такая хорошая... – Она запнулась и потом закончила: – Передышка. Думаю, какое-то время я здесь поработаю. Во всяком случае, пока не... – Она снова замолчала. – Пока не станет заметно, – закончила она, показав на живот.

– Джон знает? – спросила Мел.

Пейдж кивнула:

– Когда он предложил мне работу, было бы непорядочно утаить это от него.

– Ну, даже учитывая, что никто не знает о том, что именно привело тебя в город, я думаю, что все здесь понимают, что у тебя была раньше своя жизнь. До Вирджин-Ривер. Я имею в виду, что у тебя ведь есть сын.

– Наверное, понимают, – согласилась Пейдж.

– Кроме того, – Мел откинулась на спинку стула и провела руками по своей пока еще небольшой выпуклости, – у многих есть животик. Ты знаешь, что у меня уже четыре месяца беременности?

– По виду где-то так и есть, – улыбаясь, сказала Пейдж.

– Угу. При этом я в городе всего семь месяцев, и только пару недель назад вышла замуж за Джека. До него я уже была замужем и овдовела. А еще, согласно вердикту врачей, абсолютно не способна была зачать.

Глаза Пейдж стали похожи на два блюдца, а рот образовал аккуратную букву «О». Мел засмеялась:

– Как оказалось, мне нужны были врачи получше. Ох, думаешь, ты одна приехала в этот город, случайно свернув не туда?

– Вряд ли это вся история, – сказала Пейдж, поднимая бровь.

– Остальное, подруга, детали. У нас тьма времени, – ответила Мел и рассмеялась.

Пейдж жила в комнатке над кухней уже десять дней, первые четыре из которых она собиралась уехать. Причер сказал, что она работает очень прилично. У них была обычная приятная рутина. Сначала Крис завтракал, а Пейдж принимала душ и приводила себя в порядок, после чего она включалась в работу на кухне, убирая столы после завтрака. Потом Крис сидел с Джоном или занимал себя сам – раскрашивая картинки, играя в войну колодой карт, подметая или еще как-то помогая по дому, а Пейдж убирала комнату и делала свои обычные дела. Одежды она захватила с собой немного, поэтому стирать в прачечной Джона ей приходилось часто. И пока машины работали, она старалась немного помочь ему – убирала его ванную, вытирала пыль, застилала постель и подметала комнату.

– Можно я брошу в стиральную машину и твою одежду заодно? – спросила она у него.

– Я сам все сделаю. Пейдж, не надо за мной убирать.

Она засмеялась:

– Джон, я целыми днями только и делаю, что собираю твои горшки, кастрюли и блюда на кухне. Это уже становится привычкой. – Шок на его лице заставил ее улыбнуться. – Ты же целый день приглядываешь за моим ребенком – у тебя просто нет возможности этим заниматься, поскольку он от тебя не отлипает. Уборка – это самое меньшее, что я могу для тебя сделать.

– Я за ним не приглядываю, – возразил Джон. – Мы с ним приятели.

– Да, – сказала Пейдж. И мысленно согласилась: да, действительно, Крис и Джон стали приятелями.

Во время ланча обычно была толпа, и Пейдж занималась не только уборкой столиков, но и обслуживанием клиентов.

К ужину, который подавался с пяти до восьми, тоже приходило много народу. Особенно в это время года – осень, сезон охоты и рыбной ловли. После восьми иногда захаживали желающие выпить пива или горячительного, но еды больше не подавалось. Пейдж отводила Крису наверх, купала его и укладывала спать. После чего проверяла, не надо ли что-то доделать до наступления ночи. И изредка сидела с Джоном за чашечкой чая.

Причеру нравилось вечернее время, когда уже не надо подавать ужин, когда на кухне все убрано, а у Пейдж наверху слышен шум воды в душе. Порой он слышал, как она поет вместе с Крисом песенки. Прежде чем выпить напоследок виски, Причер просматривал свои кулинарные книги, планируя ужин на завтра или следующую неделю, и составлял списки нужных продуктов. Это помогало ему практично управлять баром. Он всегда был очень организованным.

Было около половины девятого, и в баре сидело несколько человек – охотники. Джек «держал осаду». Бак Андерсон принес Мел ножки ягненка приличного размера, которые попали прямо к Причеру. Он как раз читал о тушеных ножках ягненка, подаваемых с индийским огуречным салатом «раита», когда услышал какой-то шелестящий звук. Он выглянул из-за кухонного стола и увидел, что у подножия лестницы стоит голенький Кристофер – под мышкой он зажимал какую-то книгу, а в руке держал своего мишку.

Причер поднял кустистую бровь.

– Что-то забыл, партнер? – спросил он.

Крис, не выпуская из рук медведя, почесал ногу около попки.

– Почитаешь мне?

– Хм... а ты уже принял ванну? – спросил Причер.

Мальчик помотал головой.

– Похоже, ты как раз к ней готов. – Он слышал, что наверху льется вода.

Крис кивнул и снова спросил:

– Почитаешь мне?

– Иди сюда.

Крис радостно обежал вокруг стола и протянул ручки, чтобы его подсадили.

– Секундочку, – сказал Причер. – Я не хочу, чтобы твоя маленькая попка садилась на чистый кухонный стол. Постой-ка. – Он вытащил из ящика чистое полотенце и расстелил на столешнице, потом он поднял мальчика и посадил на стол. После чего глянул на Крису, нахмурился, вытащил еще одно полотенце и закрыл ему нижнюю часть тела. – Вот так-то лучше. И что же ты мне принес?

– Слона Хортон, – ответил тот, показывая книгу.

– Боюсь, твоей маме это не понравится, – сказал Причер. Но открыл книгу и начал читать. Они не успели сильно продвинуться, как услышали, что воду наверху выключили, потом кто-то заметался по спальне, и наконец Пейдж закричала: «Кристофер!»

– Нам лучше закругляться, – заметил Причер.

– Читай. – Крис показал на открытую страницу.

Послышались быстрые шаги по лестнице. Сбежав вниз, Пейдж остановилась как вкопанная.

– Он сбежал от меня, пока я набирала ванну, – сказала она.

– Ага. Хотя в таком виде он далеко бы не убежал.

– Мне очень жаль, Джон. Кристофер, иди сюда. Искупаешься, и я тебе почитаю.

Но тот захныкал и завертелся на месте:

– Я хочу Джона!

Пейдж нетерпеливо обошла вокруг стола и подхватила его, извивающегося, на руки.

– Я хочу Джона, – заканючил Крис.

– Джон занят, Крис. Веди себя прилично.

– Мм... Пейдж? Я в общем-то сейчас свободен. Если скажешь Джеку, что меня не будет какое-то время, я могу выкупать Криса. Скажи, чтобы он сам закрыл бар за последними посетителями.

Она обернулась к нему у самой лестницы.

– Ты умеешь купать детей? – поинтересовалась она.

– Ну нет, в общем-то. Это что, так трудно? Труднее, чем оттирать жаровню?

Пейдж невольно хихикнула и поставила Криса на ноги.

– Тебе лучше выбрать путь попроще. Без металлических мочалок и отскребания. И без попадания мыла в глаза, если получится.

– У меня получится, – сказал Причер, огибая стол. – И сколько раз ты его там топишь?

Пейдж задохнулась, и Причер улыбнулся.

– Шутка. Я знаю, что ты его окунаешь всего пару раз.

Она ухмыльнулась:

– Пойду проверю, не нужно ли чего Джеку, и потом приду вас проконтролировать.

Когда на кухню вошел Джек, Пейдж чистила и нарезала яблоки, а Причер раскатывал тесто для пирога.

– Мел собирается в город, – сказал он им. – Пейдж, она едет в молл Эурики, поскольку на ней не сходится одежда. Она сказала, что может подбросить тебя туда, на случай если тебе что-то нужно.

Пейдж подняла брови и посмотрела на Джона.

– Поезжай, – сказал тот. – Крис будет спать еще час, а на кухне мне твоя помощь уже не требуется. Тебе наверняка нужно много чего купить.

– Да, конечно. Спасибо, – ответила Пейдж. Она положила яблоко и нож в миску и стала снимать передник.

– Послушай, – начал Причер, вытирая руки посудным полотенцем. – Не знаю, есть ли у тебя кредитная карта, но тебе надо быть осторожной. Лучше оплачивай наличными, хорошо? – Он вытащил деньги из своего бумажника, развернул сложенные банкноты и стал отсчитывать по одной.

Пейдж побледнела как полотно, ее глаза широко раскрылись, в них отразился ужас. Она отрицательно замотала головой и попятилась:

– Скажи... Скажи Мел, что мне надо... кое-что сделать... Ладно?

Джек повернул к ней голову и нахмурился.

– Пейдж? – тихо промолвил он.

Она пятилась, пока не уперлась спиной в стену. Прижала к ней ладони, лицо совершенно белое, как алебастр. По щеке покатила слеза.

Причер положил бумажник на кухонный стол и произнес:

– Джек, дай нам минутку.

Потом он снял передник и приблизился к ней.

Пейдж съехала спиной по стене и закрыла лицо руками.

Причер опустился перед ней на колени, осторожно оторвал от лица ее руки и взял их в свои.

– Пейдж, – тихо произнес он. – Пейдж, посмотри на меня. Что произошло?

На ее лице отразилась паника, по щекам катились слезы.

– Он так говорил, – прошептала она. – Вытаскивал из кармана деньги и говорил: «Сходи купи себе что-нибудь приятное». Он часто так делал. А уже потом бросал деньги в меня со словами, что не может себе позволить, чтобы его жена выглядела как бродяжка.

Причер опустился на пол рядом с ней:

– Ты слышала, что сказал я? Я ведь ничего похожего не говорил, правда ведь? Я сказал, что тебе лучше быть осторожной и не пользоваться карточкой.

– Да, я слышала, – шепотом сказала она. – Я рассказывала, что вышла за него замуж, потому что у меня болели ноги?

– Ты ничего о нем не рассказывала, – ответил Причер. – Вообще ничего. Все нормально, ты не должна рассказывать, если не хочешь.

– Я работала в салоне красоты. Занималась волосами. Иногда по двенадцать часов подряд, потому что платили очень мало. Мы все очень много работали. Моей зарплаты не хватало даже на то, чтобы платить за аренду, и мы с моими соседками жили в настоящих трущобах. Мне там нравилось, но я очень уставала, работала на износ. У меня болели ноги, – повторила она. – Я знала, что он мне не подходит, мои подруги его ненавидели, но я вышла за него, потому что он сказал, что мне больше не придется работать. – Она засмеялась сквозь слезы. – Потому что думала, мне больше ничего не придется делать. Потому что у меня ничего не было...

– Такие парни знают, что использовать в качестве приманки, – сказал Причер. – У них нюх на это.

– Откуда ты знаешь?

Он пожал плечами:

– Читал. – Он вытер слезу с ее щеки. – Это не твоя вина. Тебя обманули, перехитрили.

– И у меня снова ничего нет, – всхлипнула она. – Один маленький чемоданчик, машина с краденными номерами и двое детей – один рядом, другой внутри...

– У тебя есть все, – сказал он. – Машина с краденными номерами, сын, ребенок в животе, друзья...

– У меня когда-то были подруги, – прошептала Пейдж. – Он запугал их и прогнал. И я потеряла их навсегда.

– Я похож на человека, которого можно запугать? Или прогнать? – Причер осторожно притянул ее к себе и посадил на колени, она положила голову ему на грудь.

– Я не знаю, почему веду себя как ненормальная, – тихо сказала она. – Его здесь нет. Ему и в голову не придет искать здесь меня. Но я все равно боюсь.

– Так иногда бывает.

– Ты никогда ничего не боишься. – Она покачала головой.

Он тихо хихикнул, поглаживая ей спину. Он боялся множества вещей, и самое главное – дня, когда она решит все свои проблемы и уедет вместе с Кристофером.

– Это ты так думаешь, – сказал он. – В Морском корпусе нам всегда говорили, что, если ты чего-то боишься, надо научиться обращать свой страх себе на пользу. Черт, если ты когда-нибудь узнаешь, как это сделать, скажи мне, ладно?

– И что ты делал, когда испытывал страх? – спросила Пейдж.

– Одно из двух, – ответил он. – Или злился, или мочил штаны от страха.

Пейдж подняла голову с его груди, посмотрела на него и слабо улыбнулась.

– Вот это правильно, – сказал он, вытирая ей щеки. – Я думаю, тебе надо ненадолго выбраться из Вирджин-Ривер. Но по-моему, ты сегодня не в форме, чтобы ходить по магазинам.

Она покачала головой:

– Извини. Я устроила сцену.

– Здесь просто маленький сельский бар, Пейдж. В этом вся наша жизнь. – Он усмехнулся и потом посерьезнел. – А еще нам говорили, что надо смотреть в лицо своим страхам и притворяться храбрыми. Нас учили выглядеть грозными.

Пейдж передернуло.

– Не думай больше об этом. Завтра я вместо Джека поеду за продуктами. Один раз он может сам приготовить ланч. Возьму вас с Крисом с собой, выберетесь из города ради разнообразия. Я не буду ничего тебе покупать, ты сама купишь что-нибудь, если захочешь. Я заплачу карточкой бара, так что мы сможем воспользоваться ежегодными бонусами, а ты сэкономишь свои финансы. Отдашь мне деньги после зарплаты. – Он коснулся ее носа. – Крис бегаёт по дому голышом. У него явно проблемы с гардеробом.

Когда Причер попросил оставить их наедине, Джек медленно попятился из кухни. Максимально медленно, поскольку происходило явно что-то важное и его разбирало любопытство. Вернувшись в бар, он увидел, что на барном табурете сидит Мел.

– Что случилось? – спросила она.

Джек прижал палец к губам, призывая говорить потише.

– Тут что-то происходит, – прошептал он.

– Да? – спросила Мел, не придумав ничего умнее.

Джек прижал ухо к двери и прислушался.

– Джек! – возмутилась она шепотом.

Тот снова прижал палец к губам. Потом с хмурым лицом прошёл за стойку бара и поглядел сверху вниз на свою красавицу жену.

– У Пейдж случился нервный срыв.

– Ох. Причеру нужна помощь?

Джек покачал головой:

– Он попросил меня уйти. Но я кое-что услышал. Чисто случайно.

– Я уж видела...

– Я услышал, что у нее машина с краденными номерами.

Мел широко раскрыла глаза и резко выпрямилась.

– Ты не шутишь? – спросила она. – Тогда, думаю, мне лучше проверить свои, чтобы убедиться, что они еще на месте. – И она мило улыбнулась.

– И еще – она беременна.

– Что, правда?

– Не дури мне голову, – сказал Джек. – Ты же все знаешь.

Мел скорчила гримасу, как бы говоря: «Ага, конечно, я все знаю. О том, как хранить тайны своих пациентов». Да, может, она и показала ему синяки Пейдж, чтобы он смог подготовиться и защитить ее, но сплетничать она не станет. Мел слезла с табурета и пошла к двери-вертушке, ведущей на кухню.

Она глянула внутрь: Причер сидел на полу, он обнимал Пейдж и укачивал ее. Да, сейчас это явно было нужнее всего. Лучше любого успокоительного.

Мел вернулась в бар и, приподнявшись на цыпочки, поцеловала Джека.

– Думаю, она уже не захочет пройтись по магазинам. Скажи ей, что я уехала, – надо приодеть нашего малыша.

– Вот сама и скажи.

– Хм... Джек. Я даже не знаю, как тебе объяснить. У нас с тобой разный опыт обращения с подобными вещами...

– Начиная с того, что я никогда бы не поднял руку на женщину.

– Это прекрасно, Джек. Но я не это имею в виду. Я о том, что... – Она подняла глаза к потолку. – Самое легкое – это представить, что Пейдж была в плену.

– «В плену»? – переспросил тот, удивленный и озадаченный одновременно.

– Это самое близкое, что я могу придумать, к твоему представлению вещей. Я вернусь, как только наберу себе бандажей для беременных, идет?

– Идет.

Прошла пара часов, но до обеда оставалось еще полно времени. Джек сидел на крыльце и делал мушек для рыбной ловли. К нему подошла Пейдж и предложила тарелку с яблочным пирогом. Джек взял кусочек:

– О, да он еще теплый...

– Я сожалею о том, что случилось, Джек. Я чувствую себя неудобно.

Он посмотрел на нее, на ее милое, кроткое лицо – лицо преданной матери и беременной женщины, которая бежала, чтобы спасти своего будущего ребенка. Руководствуясь словами Мел, он представил себе вынужденное заключение, лишения, постоянные побои и страх смерти – и все это в течение многих лет. Было не только трудно себе представить, что через подобное проходит Пейдж, такая юная, нежная и отзывчивая, но и почти невозможно вообразить мужчину, который мог заставить ее так страдать.

– Не переживай из-за этого. У нас у всех бывают подобные моменты.

– Нет, не у всех. Только у меня...

Он засмеялся, прерывая ее:

– Ой, не надо. Только не говори: «Подобный багаж есть только у меня». Ты Мел спроси – как раз перед нашей свадьбой у меня был фантастический нервный срыв. Кстати, вспоминается, что это из-за нее было! – Он чуть нахмурился. – Ты можешь поверить мне на слово?

Пейдж склонила голову к плечу:

– Ей могут не понравиться вопросы об этом?

– Да нет, не думаю, что она была бы против. Просто меня это бесит – она никогда мне ничего не рассказывает, а я все сразу выкладываю. Я не знаю, как ей это удастся.

– Все в порядке, Джек. – Пейдж засмеялась. – Я не буду ее спрашивать. Но в любом случае прошу прощения.

– В этом нет необходимости. Я просто надеюсь, тебе уже лучше.

Джон взял список покупок и отвез Криса и Пейдж в Эурику. Чтобы не оставлять в грузовике портящиеся продукты, первым делом они пошли в «Таргет»¹⁷. Пейдж купила себе одежды – нижнее белье, джинсы, рубашки. Джон с Крисом подождали ее около примерочной. Потом они зашли в книжный магазин. Джон походил по отделу, где продавались книги по истории, и выбрал несколько штук – того же типа, что Пейдж видела у него на полках. Потом он подошел к ним в отдел детской книги и поинтересовался, готовы ли они уходить. Пейдж положила на полки книги, которые они с Крисом разглядывали, и сказала, что они готовы.

– Может, стоит купить ему одну или две? – предложил Причер.

– У нас есть его любимые, – ответила Пейдж.

– Можно еще пару новых купить, – сказал он. – Ты не против, если я куплю?

– Да, конечно, – согласилась она.

---

¹⁷ «Таргет» – большая американская сеть розничной торговли.

Казалось, обратная дорога была самым лучшим временем их поездки. Пейдж приехала в Вирджин-Ривер дождливой ночью и, если не считать короткой поездки в Грейс-Валли по задворкам горных дорог, она почти не видела окрестностей. Джон же вез их вдоль высоких утесов тихоокеанского побережья, которое так сильно отличалось здесь, на севере, от Лос-Анджелеса. Он миновал тисовую рощу и стал подниматься по горной дороге в направлении Вирджин-Ривер.

Пейдж посмотрела на него, сидящего за рулем. Он осклабился.

– Почему ты улыбаешься? – поинтересовалась она.

Причер повернулся к ней.

– Я никогда раньше не ходил по магазинам с женщиной, – сказал он. – И мне это понравилось.

Глава 5

С самого своего приезда в Вирджин-Ривер Пейдж очень неохотно выходила из своей комнаты над кухней, с которой началась ее жизнь здесь. Сначала она выбиралась на кухню, потом в бар, потом на вечерние разговоры с Джоном у горящего камина. Потом она получила работу и стала знакомиться с местными жителями. Постепенно круг расширился, она стала бывать в магазинчике на углу и сходила в библиотеку, работающую раз в неделю по вторникам, – за детскими книжками для Криса и парой романов для себя.

А спустя три недели она уже не чувствовала себя здесь гостьей. Новичком – безусловно, но впервые за много лет ей было легко с окружающими. Дни были долгими, а работа тяжелой. У нее снова стали болеть ноги, но на сей раз она была благодарна за возможность тратить физическую энергию, а не сдерживать ее внутри и изнывать от постоянного напряжения и неуверенности в своей жизни. Завтрак и ланч она готовила себе сама, а ужинала на кухне с Риком и Джоном в промежутках между разноской и готовкой блюд. И ей это нравилось.

Когда Крис заснул, она еще пару часов читала, полностью погрузившись в сюжет. Она уже много лет была на это просто не способна. Потом она решила сходить вниз и налить себе стакан молока. Она оставила сынишку спать и стала спускаться по лестнице. Улыбнулась – на кухне, как всегда, приглашающе горел дежурный свет. Пейдж заметила в баре отблески огня и заглянула туда. Джон сидел в темноте, протянув ноги к горящему камину. Она вошла в комнату.

– Почему ты здесь так поздно? – спросила она.

Причер дернулся от удивления, опустил ноги на пол и выпрямился.

– Пейдж! Я не слышал, как ты спустилась.

– Просто хочу перехватить стакан молока. А в чем дело? Не можешь заснуть?

– Да, небольшие проблемы. Сейчас пойду спать.

– Может, тебе нужна компания?

У него на лице появилось странное выражение.

– О, я поняла, что ты хочешь немного побыть в одиночестве.

– Да все в порядке... – начал было он.

– Нет, я все понимаю. Ты долго жил один, а теперь у тебя под ногами постоянно болтаются какие-то люди. Увидимся завтра на...

– Пейдж, сядь, – сказал он хмуро, недовольно.

– У тебя все в порядке? – спросила она, подтягивая к себе стул.

Он покачал головой:

– Не слишком. Я не хотел говорить это сегодня, думал отложить до утра.

– Я что-то не так сделала? – спросила она и нахмурилась. – Если что-то нужно, я...

– Ты все делаешь идеально, – ответил Причер. – Дело не в тебе. Я получил плохие новости некоторое время назад. Уэс сделал то, что ты от него ожидала. В конце концов сделал. Он объявил в розыск тебя и Криса.

От потрясения она застыла, не в силах произнести ни слова. Потом опустилась на стул. Пока она осваивалась здесь, привыкая к своему окружению и новым друзьям, она частенько вспоминала об Уэсе. И оглядывалась, не в силах противостоять страху. И тогда и сейчас случилось, что ее тело вдруг сотрясала дрожь, а сердце едва не выскакивало из груди. Ей приходилось заставлять себя дышать спокойно и размеренно, напоминая себе, что его нет поблизости.

Она на мгновение закрыла глаза.

– Я пойду наверх, соберу вещи, – тихо произнесла она. – Мне лучше уехать. Вернусь к своему первоначальному плану...

– Ты подожди с вещами, – перебил ее Причер. – Давай сначала поговорим.

Она покачала головой:

– Тут не о чем говорить, Джон. Если он ищет меня, я должна уехать как можно дальше. Я не могу позволить себе такой риск.

– Если ты побежишь, то увеличишь свои шансы быть пойманной. Ты должна посмотреть правде в глаза, Пейдж. Если они вас поймают, то тебя арестуют, а Криса отдадут отцу, – сказал Причер. – А я тебе помогу. Я найду способ, как выбраться из всего этого.

– Есть только один путь – это уехать отсюда. Ты сам когда-то сказал – он меня перехитрит.

– Я никогда такого не говорил, – возразил Причер. – Я сказал, что ты ведешь себя честно и порядочно. Но я считаю, что ты можешь одержать над ним верх. Я знаю, у меня есть знакомые – например, мой приятель-коп. А в Грейс-Валли есть судья, с которым мы вместе рыбачим, – я знаю, что он поможет, если это в его силах. А младшая сестра Джека – Бри – известный адвокат в столице штата, и она знает всех и каждого. И она такая умная, аж страшно становится. Мы спросим кого-нибудь из них, как тебе выбраться из этого бардака и начать жить нормальной жизнью. И я буду рядом, пока ты не станешь свободной и не окажешься в безопасности.

Пейдж подалась вперед:

– Почему ты все это делаешь? Что заставляет тебя считать, что ты сможешь найти выход?

– Меня? Хороший сон – вот что. Когда все закончится, я буду спокойно спать по ночам, зная, что тебя никто не избивает, что Крис не растет злым парнем, который учится бить женщин. Пейдж, я видел. В ту первую ночь, когда я принес тебе чистые полотенца, дверь была немного приоткрыта, а ты стягивала свою толстовку... – Он остановился и опустил голову. Потом поднял взгляд, посмотрел в ее помертвевшие глаза и сказал: – Это была не пощечина. И не маленькая ссора.

Пейдж устала себе в колени. Невыносимо было думать, что он видел ее ужасные синяки.

– Послушай, – сказал он, пальцем поднимая ее лицо за подбородок. – Я жил в согласии с самим собой, пока в ту ночь ты не вошла в эту дверь со своим ребенком и этими синяками. Я соглашался один ловить рыбу, готовить и убирать – я никогда не имел ничего против одиночества. Я знал, что никогда не женюсь и у меня не будет детей. Но я могу помочь с этим...

– Это не твое дело!

– Теперь мое! И даже если ты сама не хочешь на меня полагаться, то твой сын полагается! Каждый день, с первого момента, когда он утром сбегает по лестнице в своей пижамке, и до самого последнего, когда он вечером засыпает! Когда вы с Крисом уедете отсюда, я хочу быть уверен, что мы сделали все, чтобы защитить тебя от этого ублюдка! – Он глубоко вздохнул. – Извини, – сказал он. – Иногда я начинаю страшить людей не только видом, но и голосом.

– Ты никого не страшишь своим видом, – еле слышно ответила она. – А если ничего не получится?

Он выпрямился:

– Тогда я помогу тебе добраться до какого-нибудь безопасного места. Где бы оно ни находилось. Иисусе, Пейдж, если я этого не сделаю, как смогу жить дальше? Если я получу по физиономии и проигнорирую это, чего я тогда буду стоять?

Она умоляюще посмотрела на него и печально покачала головой.

– Почему ты думаешь, что никогда не женишься и не заведешь детей? – спросила она.

– Да ладно тебе, – расстроено сказал тот.

– Нет, правда. Почему?

– Ну, можно начать с того, что в этом городе нет ни одной незамужней женщины старше восемнадцати и моложе шестидесяти. Это тебе первая подсказка.

– Есть же много других городов...

– Иисусе, нам обязательно говорить об этом? Твой сын – единственный ребенок, который когда-либо вообще ко мне подходил. Христос, дети обычно бегут прятаться за родителей, когда видят меня.

Пейдж улыбнулась Причеру:

– Ты ругаешься как помешанный. Могу поклясться, что твоя мать в гробу переворачивается.

– И притом постоянно, – согласился он. И продолжил с мольбой в голосе: – Я знаю, что ты боишься. Ты ведь все равно боишься посмотреть в глаза этому ублюдку и попробовать осадить его, да? Даже если я обещаю, что буду прикрывать твою спину? Даже если буду тебе помогать не только я? – Он вздохнул. – Знаешь, если сталкиваешься с медведем лицом к лицу, нельзя от него бежать. Надо выпрямиться во весь рост, надуть щеки и постараться выглядеть как можно крупнее. Устроить побольше шума. И вести себя жестко, даже если ты не такой. – Он покачал головой. – Показывая, что ты маленький, можно нажить неприятностей. Но тебе стоит подумать о теории. Если ты будешь вести себя так, словно не боишься, то с надежной помощью ты сможешь оставить все позади. А мы все – судья, Мел, Джек, Бри, Майк – мы тебе поможем.

– Майк? – переспросила Пейдж.

– Мой приятель из полиции. – Причер сглотнул. – Он говорит, что тебе сейчас лучше сдать ся кому-нибудь, не обязательно полиции. Но человеку из системы правосудия, который выслушает твою историю. Адвокату или судье.

– Ладно, – согласилась она.

– Ладно? – удивленно переспросил Причер.

– Ладно. Я боюсь, но я в порядке. – Она заметно вздрогнула. – Выбор невелик – или твой способ, или бежать и прятаться. И так и этак опасность все равно велика. Опасность – это он. – И она продолжила чуть спокойнее: – Спасибо тебе. За твое предложение помочь.

– Помогать приятно, – сказал он. – Сделай это ради Криса. Давай вытащим его из этой неразберихи.

– Я попытаюсь, – ответила она, но голос ее предательски задрожал.

Причер не выглядел человеком, за которым надо присматривать, но тем не менее Джек делал это. Частично по привычке – Джек уже прикрывал спину своего большого друга, когда они вместе служили в морской пехоте; Причер дважды служил под его началом, в первую и во вторую иракские.

Но была и другая причина, по которой Джек сейчас приглядывал за ним: Причер изменился. Джек сразу же это понял, поскольку сам не так давно претерпел такие же метаморфозы. Правда, сам Джек отдавал себе отчет, что с ним происходило, а вот насчет Причера он сомневался.

После двадцати лет в Морском корпусе и трех в Вирджин-Ривер Джек никогда не испытывал к женщине сильной привязанности. Ему даже в голову не приходило остепениться и сделать предложение. Самое большее, на что он был способен, – это не встречаться с несколькими одновременно. А потом в город приехала Мел – работать со старым доктором Маллинсом, и меньше чем через неделю Джек был уже готов. Правильное время, правильная женщина, правильные обстоятельства. И все равно в тот момент это потрясло его, заставило его испытать то, что раньше он никогда не чувствовал. Он ни разу не сомневался в том, что это было. Он влюбился со скоростью падающего метеорита – удивительно, как тисовая роща не затряслась, словно от землетрясения.

С Причером все случилось почти так же стремительно. Три недели назад Пейдж появилась в баре дождливой ночью, с синяками на лице и ребенком на руках. Джек тотчас же ощутил в Причере вспыхнувший огонь. Сначала это казалось лишь потребностью исправить несправедливость и защитить – для Причера это было нормально. Он всегда был таким – жестким

внешне, но мягким внутри. В нем соединялись справедливость и преданность. В последнее время Джек видел, что здесь появилось что-то еще. Причер присматривал за Пейдж с энергией, которая говорила о большем, чем просто его доброе сердце. Его глаза темнели, когда он смотрел на нее. Темнели и пылали. После чего он вдруг словно приходил в себя, отводил взгляд и хмурился, словно пытаясь понять чувства, которых раньше никогда не испытывал.

У Джека и Причера был совершенно разный опыт отношений с противоположным полом. Джек имел проблемы с воздержанием – и везде находил себе женщину. Его вели физические потребности. А Причер был отшельником. При этом, будучи очень закрытым человеком, он никогда не держал все в себе. Он всегда был очень откровенным, почти как открытая книга. Джек не сомневался, что, если бы у Причера бывали женщины, он бы об этом знал. А сейчас Джек знал точно – у Причера такое впервые. Его тянет к этой женщине, и он не представляет, что с этим делать.

Джек так же присматривал и за Пейдж – ради Причера. Она была ранимой девушкой с добрым сердцем и с нежностью относилась к Причеру, но очень возможно, что это была не более чем благодарность. И если она сможет справиться с нависшими над ней угрозами, то, скорее всего, потом уедет. Вернется к родным, например. Или просто переедет на новое место.

Пока что они неразделимы – все трое. Причер держал Пейдж и Кристофера под крылом, словно в любой момент могла возникнуть непосредственная опасность. Когда в баре не было посетителей, Причер и Пейдж часто садились за один из столиков и разговаривали или играли в крибидж¹⁸, а Кристофер сидел у Причера на колене, если вообще бодрствовал. Если же посетителей было много и рыбаки после трудового дня на Вирджин¹⁹ заглядывали в бар за выпивкой или ужином, Пейдж с сыном сидели на кухне с Причером – помогали ему или просто болтали. Работая в баре, Пейдж явно не тяготилась своими обязанностями и постоянно справлялась у Причера, не нужна ли ему помощь.

Что начинал чувствовать Причер – было достаточно очевидно. И отнюдь не очевидно, что чувствовала Пейдж. А у Джека никак не выдавалось времени поговорить с Причером с глазу на глаз. Он в общем-то сам не знал, что сказать другу. Но об одном он точно слышал – что внутрисемейные распри могут быть хуже самой войны. Непостоянные, непредсказуемые и смертельно опасные. Полицейские частенько говорили, что лучше выезд на вооруженное ограбление, чем на семейную ссору. Джек не хотел, чтобы что-то случилось с этой девушкой – она была ему симпатична. Но он также не хотел, чтобы что-то случилось с Причером.

Думая об этом, он решил поделиться своими мыслями с женой.

– Я хочу выйти ненадолго, – сказал Джек Причеру. – Подежуришь в баре?

– Уже дежурю, – ответил тот.

Джек пересек улицу и зашел в клинику. Доктор Маллинс и Мел играли в «джин»²⁰ за кухонным столом. Рядом с Мел высилась приличная кучка монет. Она увидела стоящего у двери Джека, и ее голубые глаза засияли, а губы невольно растянулись в улыбке.

– Когда закончишь с игрой, не проедешься со мной? – спросил он.

– Куда?

Джек пожал плечами:

– Просто так. Ты и я. Солнце уже садится.

– Можешь поехать прямо сейчас, – сказал доктор Маллинс. – У меня все равно ни разу не было «джина». – Он кинул карты на стол и встал.

– Вам надо оттачивать свое мастерство, – ответила Мел. – А мне – ловкость рук.

---

¹⁸ Крибидж – карточная игра.

¹⁹ Вирджин-Ривер переводится как Девственная река, город стоит на реке Вирджин.

²⁰ «Джинрамми» – известная карточная игра.

Доктор Маллинс повернулся и вышел. Мел взяла свой плащ и пошла вместе с Джеком на улицу.

– Куда мы поедem? – снова спросила она.

– Просто прогуляемcя. Расскажи, как ты провела утро.

Держась за руки, они прошли к грузовичку Джека, тот открыл для нее дверцу. Джек сел на водительское место, завел мотор. Мел стала рассказывать:

– Утром не было ничего интересного. Эта мерзкая погода приносит сплошные вирусы – мокрые носы, кашель, температуру. Мы постоянно выписываем капли от насморка, сосудорасширяющее. И по-моему, у меня тоже начинается простуда.

– Ты заболела?

– Нет, но у меня тяжелая голова и ухо заложило. А сосудорасширяющее я принимать не могу из-за сам знаешь кого.

– Может, тебе не стоит сейчас работать в клинике. Там столько микробов, – сказал Джек.

– О, перестань. – Мел засмеялась и погладила себя по выступающему животу. – Ты перебарщиваешь со своей опекой.

Они выехали из города и минут десять ехали на запад. Потом Джек свернул с дороги и остановил машину.

– Такая паршивая дорога – сплошные ухабы. Ты как?

– В порядке, когда не стучаюсь головой о потолок. Мы оба в порядке. Что ты задумал?

– Я кое на что наткнулся и хотел показать тебе. Держись, я постараюсь ехать медленно. Это в горах.

Они направились через рощу в гору. Дорога была извилистой, грязной и настолько узкой, что двум машинам было бы не разехаться. А потом вдруг выскочили на большую поляну, откуда открывался вид на много миль по округе.

– Я подумал, что тебе понравится этот вид.

– О боже, – произнесла Мел и завертела головой. Она увидела пастбища за оградами, ранчо, фермы, сады, чей-то виноградник. Сзади них высились сосновые холмы, а впереди – спуск в долину.

– Пойдем, – сказал Джек, открывая дверцу со своей стороны.

Они вышли из машины и, поднявшись на небольшой холм, стали смотреть на раскинувшиеся внизу долину и предгорья. На таком расстоянии казалось, что облака приходят прямо с Тихого океана.

Джек обнял Мел за плечи, и она прислонилась к нему.

– Джек, здесь так красиво. Я даже не знала, что такое существует.

– Я тоже не знал. Мел, как насчет того, чтобы это место – где мы сейчас стоим – стало нашим передним крыльцом?

Мел приоткрыла рот от удивления и вскинула голову. Ее глаза широко раскрылись.

– Джек! – задохнулась она.

– Думаю, я смог бы его заполучить. Это земля Бристолей – слишком каменистая, чтобы сажать, слишком далекая, чтобы пасти скот, и слишком лесистая, чтобы выращивать корм скоту. А нам ведь много не надо – пару акров разве что.

Глаза Мел наполнились слезами.

– О, Джек, – снова произнесла она. – Ты искал для нас участок.

Тот засмеялся:

– Я рыскал на задворках наших соседей и искал подходящий кусок, который можно было бы выторговать. Красивый вид, хороший двор, местоположение, где олень может запросто подойти к дому и попортить твои овощные посадки...

– У меня никогда не было овощных посадок.

– Тебе нравится это место?

– Я обожаю его, – сказала она. – И я обожаю тебя.

Джек встал за ее спиной и обхватил за талию. Его руки скользнули ей под куртку, потом под свитер – туда, где было слишком широко, чтобы можно было застегнуть джинсы. Он положил ей на живот свои большие руки, а она положила поверх свои и спиной прислонилась к нему. Они стояли и смотрели на открывавшийся прекрасный вид, когда внутри Мел что-то трепыхнулось. Это было только самое начало крохотных шевелений.

– Жаль, что ты не можешь это почувствовать, – прошептала она. – Малышка только что шевельнулась.

Джек наклонил голову и поцеловал Мел в шейку.

– Ей это место тоже понравится.

– Как ты можешь? О, Джек, зачем ты мне это показал! Теперь, если тебе не удастся убедить Фиша и Керри Бристоль поделиться с нами этим местечком, мое сердце разобьется на тысячу кусочков. – Она прижалась к нему спиной.

– Не думай о плохом, – сказал тот и стал мягко поглаживать ее животик. – Я думал, мужчины с катушек слетают, когда их жены беременеют. Не хотят прикасаться к ним, не хотят с ними секса.

– Не все мужчины, – заметила Мел.

– Боже, я хочу тебя, как никогда в жизни, – сказал Джек, снова целуя ее в шею.

– Это, – она засмеялась, – просто невозможно.

– Хочешь, опробуем это место?

Мел посмотрела на него и засмеялась.

– Я не хочу возвращаться в клинику с пятнами травяного сока на заднице. Возьми себя в руки.

– Я построю здесь дом для тебя, – пообещал Джек. – Первым делом надо выровнять площадку и расширить ее, а потом снять верхний слой земли.

Сам я все не сделаю, поэтому надо будет нарисовать план. Мне понадобится помощь с фундаментом, но дальше...

– Джек, остановись. Тебе сначала надо купить эту землю.

Он повернул ее лицом к себе:

– Я построю здесь дом для тебя, Мел.

– Хорошо, – сказала она. – Тогда просто сделай это.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.